

© 2007 г. К. Г. КРАСУХИН

АСПЕКТЫ И ВРЕМЕНА ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

Часть II: Аорист и имперфект древнегреческого глагола

В статье рассматривается проблема различения аористного и имперфектного значения в языке Гомера и Геродота. Автор анализирует гомеровские примеры вместе с примерами из классического греческого языка и сосредоточивает свое внимание на глаголах говорения. Он приходит к выводу о том, что имперфект из Гомера обладает следующими характеристиками: длительность, темпоральность, незавершенность, стабильность, причем в оппозиции к аористу имперфект является маркированным членом. Оппозицию презенса и аориста автор называет ситуативно-аспектуальной.

В первой части нашей работы [Красухин 2005а] мы постарались показать, что в праиндоевропейском глаголе система аспектов находилась в становлении. Наиболее полного развития она достигла в греко-индоиранском ареале, где сформировались три базовые глагольные основы – презентная, аористная и перфектная, используются десятки грамматических показателей для образования времен. При этом большинство исследователей, начиная с Б. Дельбрюка [Delbrück 1876], полагают, что в древнеиндийском нет аспектов¹.

Система же времен в древнегреческом языке не вызывала сомнений ни у кого. Имперфект и аорист выражают прошедшее время, но первый из них указывает на незавершенность действия, второй – на завершенность. Более того, сама категория аспекта была впервые описана в трудах александрийских грамматиков. У Дионисия Фракийца времена характеризуются следующим образом: прошедшее (παρελθούτως), настоящее (ἐνεστώς), будущее (μέλλων), причем прошедшие времена делятся на 4 разновидности в зависимости от их видовой характеристики: незаконченное (παράτατικός), законченное (παράκειμενος), предзаконченное (ὑπερσυντελικός), неопределенное (ἀόριστος) [Dionysios 1883: 53; Оленич 1980: 220]. Перевод «законченное время» относится скорее к латинскому эквиваленту – perfectum. Мы его приводим только как дань традиции. Греческий глагол παράκειμαι означает ‘быть возле, рядом, быть смежным, быть в наличии’. У Пиндара причастие παράκειμενον может значить ‘настоящее’. Таким образом, термин Дионисия следует перевести скорее как «наличное, результативное время». Дионисий попытался описать, таким образом, особый временной статус перфекта: прошедшее действие, имеющее результат в настоящем. Интересно и происхождение термина παράτατικός. Глагол παρτάσσω переводится как ‘строить в ряд, располагать’, т.е. передает идею протяженности в пространстве. Очевидно, имперфект мыслился Дионисием как протяженность во времени, а «неопределенный» аорист противостоял как результативному перфекту, так и длительному имперфекту.

Три аспекта соответствуют трем базовым основам греческого глагола. С определенными изменениями классификация Дионисия лежит в основе описаний, принятых и в современных нормативных грамматиках. Но для описания текстовой реальности, а также решения вопроса о первоначальном значении глагольных основ требуются более подробные рубрики. Приходится учитывать категории времени и образа действия².

¹ Ведическим временам будет посвящена следующая часть нашей работы.

² В [Красухин 2005а] обоснован именно такой перевод немецкого Aktionsart.

К. Бругман [Brugmann 1900: 471–472] выделяет пунктуальный, курсивный, терминативный, итеративный, перфектный и перфективный способы действия. Бругман подчеркивает, что его описание опирается не только на временные основы, но и на другие морфологические характеристики. Так, перфективный аспект выражается приставками: φέρω ‘нести’ – ἐκφέρω ‘уносить’, τεῖνω ‘нести’ – ἐκτείνω ‘распространять’, πίνω ‘пить’ – ἐκπίνω ‘выпивать (до конца)’ (см. об этом также [Gonda 1956: 241–244]). Итеративный и терминативный способ действия выражается презентной основой: ср., с одной стороны, φέρω ‘носить’, с другой – ὀρυσσι ‘поднимать’.

Темпоральный подход представлен у Б. Дельбрюка. Автор прослеживает изменение взглядов на глагольный аспект от Дионисия и Аполлония Дискола до современных ему лингвистов. Аполлоний для описания аориста использовал термины συντελεία ‘завершенность’ и ὀνυσίς ‘прекращение’. Ф. Буттман (XVI век) описывал аорист как время рассказа о прошлом, а имперфект – как фиксацию внимания говорящего на обстоятельствах события. Сам Б. Дельбрюк предложил аналогичное описание ведических времен. Э. Бенвенист и Г. Вайнрих продолжили эти исследования в применении к французскому глаголу и рассматривали глагольную темпоральность как выражение диалогического и повествовательного времени, переднего и заднего планов действия. Согласно Вайнриху, презенс и перфект в древнегреческом – это времена диалога, тогда как «аугментные» времена – имперфект, аорист и плюсквамперфект – это повествовательные времена. Г. Мадвиг рассматривал имперфект как «опрокинутый в прошлое презенс», т.е. время, не указывающее на завершение действия, тогда как аорист трактовался как время, никак не связанное с настоящим. Г. Курциус подчеркивал особый статус аориста как времени, всегда обращенного в прошлое: его безаугментные формы по значению принципиально не отличаются от аугментных. Временные функции выражаются только глаголами в изъявительном наклонении, тогда как конъюнктив, оптатив, императив и инфинитив могут обозначать только аспект.

Напротив, Ив Дюу рассматривает как аспекты только следующие категории: прогрессивность, пунктуальность (моментивность) и стативность. Темпоральность же им определяется исключительно как положение действия относительно момента речи.

Древнегреческий аорист иногда описывается отрицательной характеристикой: он обозначает событие без указания на его длительность. В действительности, как мы убедимся далее, аорист может иметь и вполне положительное значение завершенности. Соответственно и имперфект может характеризоваться как положительно (указание на длительность события), так и отрицательно (отсутствие указания на завершение). При этом значение основных времен – имперфекта, аориста и перфекта – достаточно сложно и многопланово. Так, в грамматике Э. Швицера предложена следующая классификация [Schwyzer-Debrunner 1950: 661–670]: 1. Аорист непосредственно пережитого события (особая разновидность – аорист изменившегося состояния в глаголах типа «умер, упал», т. наз. метатропический, или метаптотический аорист). 2. Аорист со значением свершившегося факта. 3. Конфективный аорист, указывающий просто на завершенную ситуацию. Он может передавать и длительность, ограниченную во времени. Интересно сравнить два контекста: (Ἀργανθώνιος) ἐτυράννευσε δὲ Ταρτεσσοῦ ὀδῶκοντα ἔτη, ἐβίωσε δὲ τὰ πάντα εἴκοσι καὶ ἑκατόν (Hdt. I 163, 2) ‘Аргантоний правил Тартессом восемьдесят лет, всего же прожил всего сто двадцать лет’ (конфективный аорист длительной ситуации); οὕτω δὲ Κῦρος γενόμενος τε καὶ τραφεῖς ἐβασίλευσεν (Hdt. I 130, 3) ‘так родившийся и выкормленный Кир стал царем’ (метаптотический аорист) [Strunk 1971: 200–201]. Гомеровский же конфективный аорист может указывать и на длительное событие без эксплицитно выраженных временных границ:

Ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ
πλόγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσε (Od. I 1–2)

‘мужа мне воспой, о Муза, многоопытного, который долго странствовал после того, как разрушил могучее укрепление Трои’. В этом зачине оба события являются завершенными, так как повествуют о прошлом. Аорист πλόγχθη можно назвать длительно-

конфективным, а ἔπευεν – аористом свершившегося факта. Далее Швицер рассматривает:

4. Аорист единичной завершенной ситуации, соположенной с предполагаемыми событиями, отнесенными в будущее. 5. Аорист сравнения, где событие, обозначенное презентом, сопоставляется с действием аориста. 6. Аорист типичной ситуации, когда повторяющееся, возникающее во многих ситуациях действие представлено как завершенное. 7. Гномический аорист в пословицах и сентенциозных высказываниях³.

К идеям Швицера близко менее подробное описание аспектов, предложенное ранее Я. Вакернагелем [Wackernagel 1926], А. Мейе и Ж. Вандриесом [Meillet, Vendryès 1948: 174–178]. В их системе различаются имперфект как дуративное (курсивное) время и аорист как комплетивное время. В рамках комплетивности возможны и такие оттенки действия, как конфективность (завершенность), общефактическое значение и т.д. Важно то, что аспект в описании названных ученых выступает как в достаточной степени субъективная категория, связанная с актантной рамкой, зависящая и от намерений говорящего:

φεῦγον ἔπειτ' ἀπόνευθε δι' Ἑλλάδος εὐρυχόροιο,
Φθίην δ' ἐξικόμην ἐριβόλακα, μήτερα μήλων (Π. IX 479–480)

‘Затем они разбежались по широкодорожной Греции; я же ушел в плодоносную Фтию, мать овец’. Очевидно, имперфект φεῦγον обозначает действие, направленное в разные стороны, и поэтому воспринимающееся как незавершенное. Контрастом выглядит аорист в: χθιζὸς ἐεικοστῷ φύγον ἡματι οἴνοπα πόντον (Od. VI 170) ‘прибежали они вчера на двадцатый день к винноокому морю’. Единая цель действия соответствует комплетивному аспекту.

В двух же следующих контекстах выбор времени связан с интенцией говорящего:

Ἀργεῖοι δ' ἐτέρωθεν ἐκαρτύναντο φάλαγγας,
τείχεος ἔντοσθεν μέγα δέ σφισιν φαίνεται ἔργον (Π. XII 415–416)

‘Аргивяне с другой стороны укрепили фаланги внутри стен; перед ними стояло большое укрепление’;

...αὐτὰρ μεγάθυμοι Ἑλαιοὶ
ἀμφίσταντο δὲ ἄστυ διαρραῖσαι μεμῶτες
ἀλλὰ σφι προπάροιθεν φάνη μέγα ἔργον Ἄρηος (Π. XI 732–734)

‘Тут же мощные духом эпейцы стали окружать город, жаждучи его разрушить; но вдруг возникло перед ними великое дело Ареса’.

Комментируя их, Мейе и Вандриес [Meillet, Vendryès 1948: 178] отмечают, что имперфект φαίνεται обозначает длительное состояние, а аорист φάνη – событие, свершившееся быстро и внезапно (*brusque et instantée*).

ὥς περιβαλλεμένους ἶδε τεῦχεα χερσὶ τε δοῦρα
μακρὰ τινασσομένους μέγα δ' αὐτῷ φαίνεται ἔργον (Od. XXII 149)

‘Так он увидел их, готовящих (к бою) и нацеливающих своими руками длинные конья; и великое перед ним появилось дело’.

Несколько иная классификация предложена в фундаментальной монографии Ива Дюу [Duhoix 2000: 390–395]. Автор высказывает несколько парадоксальную мысль о том, что в значении греческого аориста претеритальность не является главной характеристикой; с его точки зрения, это не временная, а чисто аспектуальная категория. Значение длительности нерелевантно для аориста, поэтому с его помощью могут выражаться и моментальные события, и длительные, ср.: ἔτη δὲ τριάκοντα ᾤκησε (Lysias. 12.4) ‘он прожил (в Аттике) тридцать лет’. Аористные функции автор классифицирует так: А. «Банальный» аорист, указывающий просто на то, что событие произошло. В. Аорист, передающий желание автора подчеркнуть краткость протекания действия. Различия между обоими типами аористов иллюстрируются следующими контекстами:

³ Более подробно эта классификация описана в [Красухин 2006].

Α. οὐδεμίαν διατριβὴν ἐποιήσαμην, ἀλλ' εὐθὺς παρεκέκληντο μὲν, οὓς εἶπον, ἀνέγνωστο δ' ὁ λόγος (Isocrat, 12.233) 'я не допустил никакого промедления, но те, которым я сказал, собрались, и речь была услышана'. По справедливому замечанию Дюу, здесь основное действие («люди собрались, речь была услышана») передается плюсквамперфектами παρεκέκληντο, ἀνέγνωστο, а аористы указывают на добавочное действие [Duhoix 2000: 387]. Добавим к этому, что подобная функция плюсквамперфектов не свойственна гомеровскому глаголу (именно аорист, как правило, обозначает главное действие), значение аориста εἶπον практически нейтрально с точки зрения аспекта; его можно перевести как «я сказал» и «я говорил».

В. 'Ἀλλ' ἐγραψάμην μὲν τότε εὐθὺς οἴκαδ' ἐλθὼν ὑπομνήματα, ὕστερον δὲ κατὰ σχολὴν ἀναμνησκόμενος ἔγραφον... (Plat. Teet., 143a) 'Но, придя домой, я тут же записал воспоминания, затем на досуге писал, вспоминая'. Дюу переводит аорист ἐγραψάμην как 'prendre quelques notes', а имперфект ἔγραφον – как 'écrire dans tous les détails'. Иными словами, разница между обоими глаголами не в том, что первый обозначает завершённое действие, а второй – нет, а в том, что имперфект ἔγραφον указывает на длительность, развернутость действия (при этом оно явно завершено). В дальнейшем мы вернемся к этому вопросу и покажем более точно, чем длительность, передаваемая имперфектом, отличается от длительности аориста. Пока же отметим, что в данном контексте именно сосуществование двух форм одного глагола привело их к поляризации.

Метаптотический аорист подразделяется на инхоативный и терминативный. Они могут встречаться в одном контексте:

...ἦλθε δ' Ἀθήνη
οὐρανόθεν· πρὸ γὰρ ἦκε θεά, λευκώλενος Ἥρη

.....
στῇ δ' ὄπισθεν (Il. I 194–197)

'Пришла Афина с неба: направила ее белолокотная Гера. (Афина) встала позади'. Аорист ἦλθε можно считать терминативным, (πρὸ) ἦκε – комплетивным, так как он описывает всю ситуацию, στῇ – ингрессивным.

Однако, по мнению Дюу, можно говорить лишь о том, что аорист этого типа обозначает переход от небытия к реализации глагольного процесса. Исследователь расходится здесь с Г. Мутцбауэром и Й. Жилкой [Mutzbauer 1883; Zsilka 1967], по мнению которых, наиболее архаична ингрессивная и терминативная функции аориста. С их точки зрения, наивное сознание древнего человека не могло охватить ситуацию целиком, оно фиксировало только ее начало или завершение. Но аргументов в пользу этого утверждения не приводится; психология как будто тоже не подтверждает такого направления развития психики. Типология развития аспектных систем не свидетельствует в пользу большей древности начинательного значения. Как правило, инхоативы-ингрессивы суть реализация значения завершенности. Интересно отметить сосуществование аористов и имперфектов в одном из примеров Дюу: 'Ἐλθὼν οὖν ἔπειθον αὐτοὺς καὶ οὓς ἔπεισα τούτους λαβὼν ἐπορεύομην (Xen. Cyt. 5,5,22) 'Придя, я их убеждал (стал убеждать), и кого я убедил, взяв тех, отправился'. Здесь имперфект ἔπειθον передает попытку реализации действия, а аорист ἔπεισα – завершение, успешность этой попытки. Если же глагол выражает неизменное состояние или положение, то его аорист может быть переведен «начал...», «стал...»: ἐβασίλευσα 'я воцарился', ἐγέλασα 'я рассмеялся'.

С имперфектом аорист соотносится как указание на одновременное или последующее событие в прошлом: Ξανθὴν ἀπεκείρατο χαίτην, τὴν ρα Σπερχεῖω ποταμῷ τρέφε (Il. XXIII 141–142) 'обрезал себе светлые волосы, которые отращивал у реки Сперхей'; Οὕτω σφοδρὰ ἠπυροῦμην, ὥστε ἔδοξε μοι κράτιστον εἶναι ἀποδημῆσαι (Lysias, 3, 10) 'я тогда сильно нуждался, так что мне показалось лучше всего уехать'. Не сомневаясь в корректности предложенных примеров, заметим, что в действительности взаимосвязь аориста и имперфекта в синтагме сложнее; нетрудно привести пример и того, что более позднее действие обозначает именно имперфект:

...τοῖον Πάνθου υἱὸν εὐμμελίην Εὐφορβόν
'Ἀτρείδης Μενέλαος ἐπεὶ κτάνε, τεύχε' ἐσύλα (Il. XVII 59–60)

‘этого сына Панта, хорошо вооруженного Эвфорба, Менелай убил, (затем) стал снимать с него доспехи’. Имперфект здесь обозначает новую ситуацию.

Дюу особо выделяет аористы, не указывающие на прошлое, и классифицирует их так: а) гномические аористы, б) аористы, выражающие общие истины; с) аористы гомеровских сравнений. Под гномами исследователь подразумевает краткие выражения, а аорист общих истин появляется в развернутых текстах. В качестве примера приводится:

ἦμαρ δ' ὄρφανικὸν παναφήλικα πατὴρ τίθησι
πάντα δ' ὑπεμνήμυκε, δεδάκρυται δὲ περειαί,
δευόμενος δὲ τ' ἄνεισι πᾶς ἐς πατρός ἐταίρους,
ἄλλον μὲν χλοῖνης ἐρύων, ἄλλον δὲ χιτῶνος
τῶν δ' ἐλεησάντων κοτύλην τις τυθτὸν ἐπέσχε,
χείλεα μὲν τ' ἐδίην ὑπερώην δ' οὐκ ἐδίηνε (II. XXII 490–495)

‘День сиротства лишает ребенка друзей; лишенный всего, он льет слезы по щекам. Нуждаясь, дитя идет к отцовым товарищам, одного трогая за плащ, другого за хитон. Кто-нибудь из сострадающих налил (= наливает) ему немного из своей чаши, дал омокнуть губы, но не небо’. Дюу абсолютно прав, говоря о том, что презенсы τίθησι и ἄνεισι симметричны аористам ἐπέσχε, ἐδίηνε. Но все-таки главное общефактическое значение имеет первый презенс. Второй указывает на начало ситуации, тогда как аористы – на ее завершение. Поэтому данный контекст есть типичная ситуация, в которой противопоставлены незавершенные и завершенные фрагменты. Ср. следующую строку: τὸν δὲ καὶ ὀμφιθαλῆς ἐκ δαιτύος ἐστεφέλιζεν ‘благополучный же его прогнал (= прогоняет) от обеда’.

Такую же роль играют аористы и у Платона: Ἄρ οὖν, εἶπον, οὐ ταῖς μὲν πρώταις ἡμέραις τε καὶ χρόνῳ προσέλα τε καὶ ἀσπάζεται πάντα, ... καὶ οὔτε τύραννός φησιν εἶναι ὑπισχνεῖται τε πολλὰ καὶ ἰδίη καὶ δημοσίη, χρεῶν τε ἡλευθέρωσεν καὶ γῆν διένεμεν δήμῳ τε καὶ τοῖς περὶ ἑαυτὸν καὶ πᾶσιν ἰλεώς τε καὶ πρῶτος εἶναι προσποιεῖται (Plat. Rep. 566d–e) ‘Разве не правда, сказал я, что (тиран) в первые дни воцарения смеется и угождает всем, говорит, что он вовсе и не тиран, обещает много и в частном порядке, и публично, простил (= прощает) долги, разделил (= разделяет) землю в пользу народа и своего окружения, и старается быть для всех милым и угодным?’ Здесь совершенно явно противопоставление действий продолжающихся и повторяющихся единичным и завершенным: «простил долги, разделил землю». Таким образом, аорист общих истин фактически не отличается от аористов типичных ситуаций.

Аорист же гомеровских сравнений, по Дюу, – это и есть то, что Швицер называл аористом типичных ситуаций. В [Красухин 2006] мы постарались показать, что типичная ситуация может представляться говорящим как повторяющаяся, но завершенная. Следовательно, аорист сравнений отличается от аориста общих истин не по значению, – оно в общем одинаково в обоих типах. Классификация Дюу скорее характеризует сами ситуации, в которых появляются формы с одинаковыми функциями. И мы можем объединить аористы общих истин, сравнений и гномические аористы в единую категорию. Гномические аористы отличаются от остальных своим наиболее обобщенным, вневременным характером. Если в типичных ситуациях все-таки действие представляется как завершенное, то в гномах этот оттенок исчезает.

Швицер выводил гномическую функцию из первоначальной функции аориста – обозначение целостной ситуации без указания на время (близкой к древнеиндийскому инъ-юнктиву). Но у Гомера и Гесиода гномические аористы, как правило, имеют аугмент. По данным Л. Боттина [Bottin 1969: 131], 82 формы аориста с аугментом противостоят в этой функции 9 безаугментным аористам; для Гесиода же цифры выглядят так: 38: 4. Это свидетельствует о том, что гномический аорист и аорист типичной ситуации указывают не на вневременное, а именно на всевременное событие. В своих более ранних работах мы показали, что аугментный глагол у Гомера, как правило, начинает новую ситуацию, тогда как безаугментный включается уже в ситуацию, начатую другим сказуемым. Аугментная форма иногда имеет значение эмфазы. Все это относится к рассмотренным функциям аориста.

Дюу указывает также на то, что типическая ситуация может выражаться различными временами глагола: аористом, презенсом, имперфектом глагола εἰμί, перфектом, футурумом. Приведем примеры на три последних времени:

А. οὐκ ἄρετᾶ κακὰ ἔργα (Od. VIII 329) 'дурные дела не удаются'.

В. Πλήθει δ' ἀνθρώπων ἀρετὴ μία γίνεται ἥδε
πλουθεῖν τῶν δ' ἄλλων οὐδὲν ἦν ὄφελος (Theogn. 699–700)

'Для большинства людей единственная доблесть – разбогатеть. От других же (добродетелей) нет пользы'.

С. Κἂν περὶ ἀνδρῶν γ' ἐμπέσῃ

λόγος τις, εἴρηκ' εὐθέως ἢ σὴ γυνή,

ὅτι ληρὸς ἐστὶ τᾶλλα πρὸς Κινησίαν (Arist. Lys. 858–860)

'Если случится между мужчинами разговор, то твоя жена скажет, что это глупости, как у Кинесия'.

Д. οὐδεὶς ἀνθρώπων ἀδικῶν τίσιν οὐκ ἀποτίσει (Hdt. V 56) 'никто из людей, пострадавший несправедливо, не оставит этого без мести'.

Что можно сказать об этих примерах? Конечно, время типичной ситуации полностью не равнозначно ни презенсу, ни аористу, ни перфекту. Можно сказать, что здесь происходит нейтрализация темпоральных грамматических оппозиций. Однако нельзя не видеть и того, что различные времена по-разному передают протекание единой ситуации: презенс подчеркивает ее длительность и хабитуальность, аорист – завершенность, а футурум – несвязанность с моментом речи, возможность осуществления в будущем. Таким образом, разноречивость времен показывает всю сложность и многокомпонентность ситуации. В дальнейшем мы не раз будем с этим сталкиваться. Заметим в этой связи, что в типической ситуации происходит нейтрализация и модальных грамматических оппозиций. Так, в одном из самых известных предложений, содержащих гномический аорист, – ὅς κε θεοὺς ἐπιπείσθεται, μάλα τ' ἐκλυον αὐτοῦ (Il. I 218) – первая часть содержит глагол в конъюнктиве. Частица κε/ ὅς с конъюнктивом выражает модус, именуемый в грамматике casus futuralis, т. е. указывает на событие, могущее произойти сейчас и в будущем. Здесь это сказуемое оказалось встроено в типичную ситуацию. Приведем пример с оптативом: ὥς ἀπόλοιτο καὶ ἄλλος, ὅτις τοιαῦτα γέ ρέζοι (Od. I 47) 'так пусть погибнет и любой иной, кто творит подобное'. Конечно, это, – прежде всего предложение пожелания. Но, поскольку оно высказано богиней Афиной, его можно понять и как выражение долженствования, приближающееся к указанию на типичную ситуацию.

Наконец, в некоторых контекстах может совместно встретиться гномический аорист и презенс:

ἀλλὰ αἰεὶ τε Διὸς κρείσσω νόος αἰγιόχοιο

ὅστε καὶ ἄλκιμον ἄνδρα φοβεῖ καὶ ἀφείλετο μύθῳ (Il. XVII 176–177)

'Но всегда дух Зевса эгидодержавного сильнее; он и доблестного мужа обращает в бегство, и отбирает (отобрал) победу'. Можно, конечно, видеть некоторые различия презенса φοβεῖ и аориста ἀφείλετο: второй обозначает безвозвратно ушедшую ситуацию, тогда как первый еще не подразумевает окончания действия. Но их однородность говорит о нейтрализации аспектуальной оппозиции в данном контексте.

Особый тип аориста выделил А. Шане [Chanet 1984]: «аорист крика души (cri de coeur)». Ср.: Τίφθ οὕτως ἑστήτε τεθηπότες; (Il. IV 243) 'что вы встали удивленные?'; 'Ἐπιπείλησα καὶ κατώμοσα, /...μὴ/πολὺν χρόνον θεοὺς ἔτι σκῆπτρα τᾶμα τρίψειν (Arist. Av. 630–636) 'Я пригрозил (= грожу) и поклялся (= клянусь), что долго боги не будут наш скипетр трогать'. По значению такой аорист близок к настоящему совершенному, т. е. обозначает событие, происходящее на глазах, но отличается повышенной эмоциональностью. Следовательно, аорист может обозначать наиболее важные в контексте элементы ситуации.

Наконец, индикатив аориста может быть включен в сферу будущего:

εἰ μὲν κ' αὖθι μένων Τρώων πόλιν ἀμφιμάχωμαι,

ᾧλετο μὲν μοι νόστος ἅταρ κλέος ἀφθιτον ἔσται (Il. IX 412–413)

‘если я здесь останусь сражаться у города троянцев, то погибло мое возвращение, но будет (мне) бессмертная слава!’ Такой аорист подобен русским высказываниям типа *Пропала моя головушка!*, где будущее событие, чье наступление для говорящего очевидно, представляется им как уже свершившееся. В примерах, приводимых Дюу [Duhoux 2000: 395], такой аорист встроен в ситуацию, связанную с конъюнктивом. Возможно и его сочетание с футурумом: *Ἦν καταστρέφεται τὰ φησι θέλειν... σὸν τὸ ἔργον, ὃ δέσποτα, γίνεται οἱ γὰρ σοὶ δοῦλοι κατεργάσαντο* (Hdt VIII 102) ‘Если покорятся те, которых он, по его словам, хочет покорить, то твое дело, о владыка, свершится: твои рабы его закончат’. Если связь с потенциальностью – общая черта всех подобных аористов, тогда можно предположить, что «аорист будущего» указывает на несвершившиеся события как на свершившиеся.

Для имперфектов Дюу указывает на следующие функции. 1. Прогрессив, т.е. неограниченность действия пределом. Это наиболее распространенное, типовое значение имперфекта. Он может противостоять аористу или дополнять его. Ср. *Ἐπὶ γὰρ Κέκροπος καὶ τῶν πρώτων βασιλέων ἡ Ἀττικὴ ἐς Θησέα ἀεὶ κατὰ πόλεις ὤκειτο... Ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευε...* (Thuk. II, 15, 1–2) ‘При Кекропе и первых царях до Тесея Аттика жила в городах... Когда же воцарился Тесей...’ Здесь длительный и незавершенный имперфект противопоставлен метапототическому аористу. Иногда оппозиция может быть и не столь резкой:

*παρ δὲ οἱ Ἴρις ἔβαινε καὶ ἥνια λάζετο χερσὶν
μάστιξεν δ' ἐλάαν, τῷ δ' οὐκ ἄεκοντε πετέσθην* (II. V 365–366)

‘Вместе с ним Ирида пошла и взяла поводья руками, хлестнула бичом, чтобы (повозка) двинулась; они оба не без охоты полетели’. Здесь имперфекты *ἔβαινε*, *λάζετο* указывают на протекание ситуации, аорист *μάστιξεν* – на ее завершение, *πετέσθην* – на начало новой ситуации. Аналогичный контекст – в II. V 370–373:

*ἡ δ' ἐν γούνασι πίπτε Διώνης δι' Ἀφροδίτῃ,
μητρὸς ἐῆς· ἡ δ' ἀγκὰς ἐλάζετο θυγατέρα ἥν,
χειρὶ τέ μιν κατέρεξε...*

‘К коленям Дионы, своей матери, пала божественная Афродита; та же обняла свою дочь и удержала ее рукой’. Имперфект *ἐλάζετο* – начало ситуации, аорист *κατέρεξε* – ее конец⁴.

В других же контекстах имперфект, сочетаясь с аористом или стоя на его месте, приближается к нему по значению. Так, у Фукидида один из персонажей характеризуется а) имперфектом: *Ἑρμοκράτης παρελθὼν αὐτοῖς... ἔλεγεν* (VI 32, 2) ‘Гермократ, придя к ним, сказал’⁵; б) аористом: *Ἑρμοκράτης τοῦαὔτα εἶπεν* (VI 35, 1) ‘Гермократ так сказал’. В, казалось бы, идентичной ситуации появляются разные времена. Дюу полагает, что имперфект может передавать следующие нюансы. А. действие выступает как близкое переживаемое в момент речи:

*...ὃς πρῶτον Μῖνοα τέκε Κρήτῃ ἐπίουρον
Μῖνος δ' αὖ τέκεθ' υἱὸν... Δευκαλίωνα
Δευκαλίων δ' ἐμὲ τίκετε* (II. XIII 450–452)

‘...который родил Миноса на гористом Крите; Минос родил Девкалиона, а Девкалион родил меня’. С нашей точки зрения, в этом контексте имперфект обозначает особый тип ситуации, условно говоря, незавершенной, поскольку ее результат имеет продолжение в настоящем. На момент речи и Минос, и Девкалион умерли, а говорящий Идоменей жив. Можно, конечно, это назвать *façon vivante*, имея в виду, что такой эпитет относится не к действию, а к его результату. Следует отметить, что перед нами не единичный пример. Цепь аористов, завершенных имперфектом, представлена также в:

⁴ По мнению Э. Швицера [Scwyzer-Debrunner 1950: 670], имперфекты *ἔβαινε*, *πίπτε* здесь передают действия ослабевшей Афродиты; М. Руйперес резонно возражает, что глагол *ἔβαινε* относится и к энергично действующей Ириде [Ruiperez 1954: 83].

⁵ Точнее – ‘начал говорить’. Обоснование этого варианта см. далее.

Ἑρμείας δὲ ὄναξ δῶκεν Πέλοπι πληξίπῳ
 αὐτὰρ δ' αὖτε Πέλοψ δῶκ' Ἀτρεΐ, ποιμένι λαῶν,
 Ἀτρεὺς δὲ θνήσκων ἔλιπε πολύαρνι Θυέστῳ
 αὐτὰρ δ' αὖτε Θυέστ' Ἀγαμέμνονι λείπε φορῆναι... (Π. II 104–107).

Гермес владыка дал (скипетр) погонщику лошадей Пелопсу; затем Пелопс дал его Атрею, пастырю народов. Атрей, умирая, оставил его богатому овцами Фиесту, Фиест же затем оставил его Агамемнону носить'.

Речь идет о скиптре, упоминаемом несколько выше (строки 100–101: ὄναξ δὲ κρείων Ἀγαμέμνων // ἔστη σκῆπτρον ἔχων, τὸ μὲν Ἦφαιστος κάμπε τεύχων 'встал владыка Агамемнон, держа скипетр, который создал Гефест'), т.е. присутствующем в данной речевой ситуации. Имперфект λείπε, таким образом, обозначает прошлое событие, имеющее следствием положение дел, существующее в момент речи⁶.

В. Имперфект фиксирует внимание слушателя на длительности ситуации. Такое значение Дюу видит в контексте из Фукидида (II 15, 1–2). И в приводимых им контекстах длительность оттенена аористом. Ср. еще: Κορίνθιοι δὲ οὐδὲν τούτους ὑπήκουον ἄλλ' ... ἔπλεον τὴν Ἐπίδαμνον... Ἐπειδὴ δ' ἐγένοντο ἐν Ἀκτίῳ (Thuk. I 29, 1–3). 'Коринфяне их не послушались, но поплыли в Эпидамн. Когда же они оказались у Акция...' Отличие этого контекста от приведенного выше заключается в том, что здесь имперфектная ситуация фактически является завершенной. Следовательно, этот контекст демонстрирует нам функцию, приближающуюся к следующей.

С. Имперфект указывает на различные предпосылки к завершению действия. Именно это значение, как мы убедимся в дальнейшем, и стало одним из главных у Гомера. Дюу иллюстрирует его цитатой из Еврипида: Διωλλύμεσθα ... καὶ τῶμ' ἔθνησκε τέκν', ἀπωλλύμην δ' ἐγώ (Eur. Heg. 534–536) 'Мы погибам, умерли мои дети, погибла и я'. Так говорит живая Мегара о себе и своих детях, следовательно, имперфект указывает на начало действия. С нашей точки зрения, однако, в данном случае действие еще не начинается, а лишь предполагается. Это скорее так называемый imperfectum copatus, выражающий попытку или побуждение совершить действие. Цитированный контекст (Xen. Cug. 5, 5, 22), безусловно, представляет яркий конативный имперфект: ἔπειθον 'убеждал = пытался убедить', и следующий за ним аорист ἔπεισα описывает результат этой попытки.

Инхоативную же функцию имперфект несет в следующем контексте:

...αὐτὰρ Ὀδυσσεὺς
 ἐς Χρῦσιν ἵκανεν ἄγων ἱερὴν ἐκατόμβην (Π. I 430–431)

'И тут же Одиссей отправился в Хрису, везя с собой священную жертву'. Ср. следующий стих: οἱ δ' ὅτε δὴ λιμένος πολυβένθεος ἐγγὺς ἵκοντο (432) 'когда же они выплыли в глубокий залив', где от того же корня образован аорист. Имперфект ἵκανεν указывает на начало ситуации, аорист ἵκοντο – на завершение какого-то ее этапа. Конативную функцию Дюу [Duhoix 2000: 362] видит в следующем контексте: Διεφθείρον γὰρ προσίοντες τοὺς στρατιώτας, καὶ ἓνα δὲ λοχαγὸν διεφθείραν (Xen. An. III 3, 5) 'подошедшие грабили воинов, ограбили и одного командира'. Здесь, правда, трудно сказать, выражает ли имперфект попытку, начало действия или просто его протяженность. Поэтому более убедительные примеры таковы: οὐδ' Ἑκτορι θυμὸν ἔπειθε (Π. XXII 78) 'не убедил дух Гектора' и другие сочетания этого глагола с отрицанием: Τηλέμαχος δ' οὐ γὰρ πῶ ἐπείθετο ὃν πατέρ' εἶναι (Od. XVI 192) 'Телемах никак не мог поверить, что это его отец'. К. Бругман полагал, что аналогичную функцию имеет имперфект ἐδίδου в следующих контекстах: καὶ μισθὸν μὲν οὐκ ἐδίδου ὁ Ἀναξίβιος (Xen. An., VII 1, 7) 'Анаксибий же не отдавал (= не желал отдавать) плату'; καὶ τὰ μὲν ἄλλα ὡμολόγητο αὐτοῖς, ὁμηροὺς δ' οὐκ ἐδίδουσαν οἱ Θρᾶκες (Ibid., VII 3, 9) 'и во всем остальном было достигнуто согласие, заложников же фракийцы не выдавали (= не желали выдавать)' [Brugmann

⁶ Или, говоря точнее, в точке референции, определяемой рассказчиком.

1900: 487]. Ср. с другим глаголом: οὐ δὲ πυρὴ Πατρόκλος ἐκαίετο τεθνηῶτος (II. XXIII 192) 'Огонь не разгорался над телом мертвого Патрокла' (ср. [Звонская 2006]).

Следует отметить, что имперфект, подобно аористу, может сочетаться с наречиями-ограничителями: ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ὦχето κῆλα θεοῖο (II. I 54) 'девять дней на войско падали стрелы бога'; ἡμέρας τε πέντε... Κερκυραῖοι ἐχθροὺς δοκοῦντας ἐφόνεον (Thuk. III 81, 4) 'семь дней керкирцы убивали тех, кто им казался врагом'. Кл. Штрук [Strunk 1971: 207–208] полагает, что обозначение временной протяженности вообще является первоначальной функцией имперфекта. И только у дуративных глаголов (βίωω 'жить', βασιλεύω 'править') при наречиях времени появляется аорист. Это иллюстрируется примерами из Ксенофонта и Геродота, где такие глаголы, как μένω 'оставаться', διάγω 'проводить время', διατρίβω (ἔργον) 'совершать', стоят только в аористе при временных ограничителях. Штрук полагал, что в глаголах длительного действия значение имперфекта становится избыточным. Он исходит из положения о том, что в греческой временной системе маркирован именно аорист.

Ряд традиционных взглядов на греческий аспект, которые разделяет и Дюу, подвергал пересмотру М. Руйперес [Ruiperez 1954]. Испанский исследователь попытался применить к аспекту методы структурной лингвистики, заимствованные из фонологии, в частности, анализ оппозиций по наличию и отсутствию различительных признаков. Справедливо отмечается, что, во-первых, четко выраженную оппозицию составляют друг другу имперфект и аорист, тогда как в презенсе их оппозиция нейтрализуется. Ее положительным членом является имперфект, отрицательным (лишенным признака) – аорист [Ibid.: 74]. И этот признак – дуративность. Руйперес замечает в этой связи, что целый ряд дополнительных значений презенса и аориста, найденных его предшественниками, объясняется не значением грамматических категорий, а лексической семантикой корня. Глаголы он подразделяет на «инфективные» и «конфективные», т.е. подразумевающие и не подразумевающие завершение процесса. К примеру, такие глаголы, как исп. *encontrar*, франц. *chercher*, нем. *suchen*, русск. *искать* суть инфективные, а *bruscar*, *trouver*, *finden*, *находить* – конфективные. В греческом языке глаголы ὀρνυμαι 'подниматься', πορεύομαι 'отправляться' могут считаться инфективными (или ингрессивными), ἄγνυμαι 'ломаться', θνήσκω 'умирать', γίγνομαι 'становиться'. Руйперес считает, что главной оппозицией этих глаголов является наличие/отсутствие предела действия. Следовало бы, пожалуй, выделить в отдельную рубрику глаголы, обозначающие стабильный процесс: νοσέω 'болеть', βασιλεύω 'править'. Дело в том, что, приводя примеры ингрессивных аористов, автор ссылается именно на дуративные корни. Ингрессивный аорист, по мысли Руйпереса, образуется от нетерминативных глаголов: νοσήσαι 'заболеть', βασιλεύσαι 'воцариться'; аорист же с темпоральным обстоятельством он считает чисто речевым вариантом первого. С этим можно, пожалуй, согласиться, но, как мы отмечали, именно в этом случае следует говорить не об «ингрессивных», а о дуративных глаголах. Иногда презенсы от таких аористов могут рассматриваться как дуративные: а) οὐρανοῦ δ' ἀπὸ ἧστραψε, βροντῇ δ' ἐρράγη δι' ἀστραπῆς (Soph. fr. 578) 'с неба ударила молния, грохот от молнии взорвался'; б) (κατανεῦσαι Κρονίωνα) ἀστράπτων ἐπέδεξι' ἐνάσιμα σήματα φαίνων (II. II 353) 'высказал согласие Кронид, ударяя молнией справа, являя предзнаменующие знаки'. Т.е. аорист указывает на однократное появление некоторой сущности, а основа презенса – на многократное. Так же, по мнению Руйпереса, может быть итеративным глагол βαίνω в противопоставлении презенсу βῆναι. Это последнее утверждение не кажется полностью убедительным. Можно, конечно, переводить этот глагол как «шагать», т.е. «делать шаги», а аорист – как «шагнуть», но подтвердить итеративность этого презенса трудно. Аорист же может означать как начало действия, так и его конец. Ср.: а) ὥς φάτο, βῆ δ' αὖρ ὄνειρος, ἐπὶ τὸν μῦθον ἄκουσε (II II 16) 'так он сказал; отправился Сон, когда выслушал слово' (впечатляющее сосуществование ингрессивного аориста βῆ и компетивного ἄκουσεν); б) σὺν τῷ ἔβη κατὰ νῆας Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων (II. II 47) 'с ним он прибыл к кораблям меднохитонных ахейцев'.

Инхоативный и конативный имперфект, по мнению исследователя, тоже не являются исконными значениями этого времени, а возникают лишь в определенной ситуации. Руйперес отрицает инхоативность имперфекта в αὐτὸς δὲ ἀπέθανε καὶ ὅκτω ἔκειντο ἐπ' αὐτοῦ (Хен. Анаб. I 8, 27) 'он погиб, и девять полегло при нем', с чем можно согласиться. Но более очевидна начинательность имперфекта в καὶ αὐτίκα βοή ἦν (Thuk. III 22, 5) 'и тут же возник крик', – едва ли это событие можно здесь рассматривать просто как длительное. Фиксация значения начала здесь очевидна. Более того. В одном контексте может встретиться длительный и начинательный имперфект:

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
ἔλκετο δ' ἐκ κολεοῖο μέγα ξίφος, ἦλθε δ' Ἀθήνη... (Il. I 193–194)

'Пока он колебался в сердце и душе, вытаскивая большой кинжал из ножен, явилась Афина...' Первый имперфект явно указывает на длительное, незавершенное и, возможно, повторяющееся действие. Второй же, вне всякого сомнения, фиксирует внимание говорящего на начале события, указывая на его незавершенность. Именно таково значение начинательного имперфекта; в дальнейшем мы убедимся в том, что это важный вариант общего значения имперфекта. Оба действия – ὥρμαινε и ἔλκετο – противостоят аористу. И поэтому целесообразно рассмотреть это противопоставление подробнее.

Первая часть ст. 193 повторяется у Гомера еще шесть раз, и почти всегда сочетается с аористом. Часто встречается ἦλθον/ἦλυθον:

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
τόφρα δ' ἐπὶ Τρώων στίχες ἦλυθον ἀσπιστάων (Il. XI 411–412)

'Так он колебался в сердце и душе, тем временем явились шеренги щитоносных троянцев';

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
τόφρα δ' οἱ ἐγγύθεν ἦλθεν ἀγαίου Νέστορος υἱός (Il. XVIII 15–16)

'Так он колебался в душе и в сердце, тем временем пришел сын мудрого Нестора';

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
ἐκ δ' Ἑλένη θαλάμοιο θυώδεος ὑπόροφοιο
ἦλυθεν... (Od. IV 120–121)

'Так он колебался в душе и сердце; (тем временем) Елена вышла из благовонного высокого покоя'.

Другие глаголы в аористе, также с фактивным значением:

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα, τόφρα δ' Ἀθήνη
προσέφη... (Il. X 507–508)

'Так он колебался в душе и сердце; тем временем Афина сказала...';

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
ῥρσε δ' ἐπὶ μέγα κῦμα Ποσειδάων ἐνοσίχθων (Od. V 365–366)

'Так он колебался в душе и сердце; (тем временем) колебатель земли Посейдон поднял большую волну'.

Итак, всюду имперфект обозначает незавершенное действие, а аорист – законченное. Имперфект можно считать выражением добавочного действия, на фоне которого завершается ситуация; так незавершенное время переходит во второплановое [Weinrich 1964: 70–75; Красухин 2000]. И в большинстве контекстов выделенный первоплановый аорист маркируется наречием τόφρα 'до тех пор, между тем'. Но в одном контексте вслед за ὥρμαινε следует имперфект:

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
τόφρα δὲ μιν μέγα κῦμα φέρε τρηχεῖαν ἐπ' ἄκραν (Od. V 424–425)

'Так он колебался в душе и сердце; тем временем большая волна несла его к скалисту берегу'. Таким образом, основное действие здесь тоже обозначено глаголом в имперфекте. Это не противоречит вышеприведенным выводам: естественно, греческая видовая система не изменилась в той же степени, что и французская. Но показательно, что в следующих строках появляются аористы:

ἐνθα κ' ἀπὸ ρινούσδρ' ὄφθη σὺν δ' ὅστε' ἀράχθη
εἰ μὴ ἐπ' φρησὶ θῆκε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη (Ibid., 426–427)

‘Там он бы изранил кожу и переломал бы кости, если бы его не поддержала в душе Афина Паллада’. Таким образом, в этих строчках содержится намек на завершение ситуации, и указываются ее последствия. Едва ли аорист здесь может трактоваться просто как «недлительный». Завершенный аорист особенно ярко противостоит незавершенному имперфекту в:

...ἶδον καλήν τ' Ἀριάδην,

...ἦν ποτε Θεσεύς

ἐκ Κρήτης.....

ἦγε μὲν, οὐδ' ἀπόνητο πάρος δέ μιν Ἄρτεμις ἔκτα (Od. XI 321–324)

‘Увидели прекрасную Ариадну, которую Тесей с Крита увел, но она не добралась (до Афин); прежде ее убила Артемида’. Руйперес [Ibid.: 83] приводит этот контекст как образец конфективного аориста; это значение особенно выпукло благодаря контрасту с имперфектом незавершенного события.

В отличие от Руйпереса, мы полагаем, что оппозиция имперфекта и аориста в гомеровском греческом не может считаться привативной. Вообще, нахождение инвариантных значений в грамматических категориях совершенно необходимо, но недостаточно. Необходимо также учитывать и варианты значения, а главное – попытаться описать условия, в которых они возникают. А это зависит не только от лексического значения глагола, но и от типа ситуации.

Пол Фридрих описывает греческий аспект с помощью более точных структурных методов. Он не только дает характеристику оппозиции этих времен, но и старается найти их различительные черты [Friedrich 1974]. Мы уже отмечали сочетание аориста с наречиями множественности действия. Согласно Фридриху, главной характеристикой презенса является длительность (явленная в настоящем – презенс, или в прошедшем – имперфект), которая противопоставляет его как аористу, так и перфекту. В свою очередь, аорист отличается от перфекта тем, что перфект выражает значение, которое исследователь обозначает как *realized*, т.е. результативность: ἔστηκα ‘я встал и стою’ и т.д. Перфект также может относиться к сфере настоящего и прошлого (плюсквамперфект). Аорист подразделяется на ограниченный во времени (*bounded*) и вневременной (*unbounded*). Под этим, по-видимому, подразумевается гномический и аорист типичных ситуаций. Аорист ограниченного времени подразделяется на терминативный и нстерминативный (комплетивный), а первый – на ингрессивный и результативный. Таким образом, Фридрих предлагает рассматривать греческие времена как пучки различительных признаков (РП). Дуративность является положительным РП, так что аорист не маркирован по сравнению с презенсом. Эта семантическая немаркированность соответствует тому, что аорист не маркирован и морфологически: наиболее простой глагольный корень в гомеровском языке, как правило, аористичен. С помощью редупликации, йотового суффикса и назального инфикса, как правило, образуется презенс. Обращаясь к конкретным контекстам, Фридрих, однако, с полным основанием отмечает сложность значений всех глагольных основ. Две базовые характеристики, используемые для описания аспекта, – длительность и законченность – отнюдь не противоположны друг другу и вполне могут совмещаться в одной глагольной форме. Заметим, что немаркированность аористой основы тоже далеко не абсолютна. Как было показано в [Красухин 2005а], морфологические показатели вообще не имеют однозначной связи ни с презенсом, ни с аористом.

Впрочем, на вопросе о маркированности/немаркированности презентной и аористой основы гомеровского глагола стоит остановиться. Рассмотрим его с синхронной точки зрения. Действительно, в презентно-аористных парах ἵστημι – ἕστην, βόινω – ἔβην, ὀρνυμι – ὄρτο основа аориста первична, презенс произведен от нее. Редупликация с гласным *i*, назальный и йотовый формант действительно характеризуют только презенс и могут рассматриваться как способы перевода немаркированной основы в класс дуративов. С другой стороны, редупликация с гласным *e*, сигматический суффикс при

атематической флексии – это, безусловно, показатель аориста. И в таких парах, как *τρέπω – ἔτρεψα*, *τρέφω – ἔθρεψα*, *ἐρείπω – ἤρειψα*, маркирован аорист. Особенность этих глаголов состоит в том, что от них возможно образование тематических аористов *ἔτραπον*, *ἔτραφον*, *ἤριπον*. Но в них наличествует 0 ступень вокализма, которую нельзя однозначно считать ни маркированной, ни немаркированной. Также сигматический суффикс свойствен презенсу: *ἔψω*, *ἄλέξω*, *ἄξω*. В отличие от аориста, такие презенсы могут быть только тематическими, тогда как тематический сигматический аорист в греческом единичен: *πίπτω – ἔπεσον* (πετ-σ-; чистая основа представлена в презенсе *πέτομαι* и дорическом аористе *ἔπετον*). Наконец, отметим, что корневые (тематические и атематические) аористы могут выступать как первичные и по отношению к другим аористам: редуцированным, сигматическим и пассивным: *ἔστην – ἔστησα*, *ἔλαθον – ἔλελαθον*, *ἔτραφον – ἐτράφην*. Таким образом, корректнее было бы сказать, что в системе аориста выделяются немаркированные основы, от которой могут образоваться как маркированные презенсы, так и маркированные аористы⁷. Аористическое же значение эти основы приобрели в результате процесса аспектуальной поляризации глагольных основ [Красухин 2005: 27].

Теперь попробуем охарактеризовать основные функции аориста и имперфекта в гомеровских поэмах. Для их выяснения обратимся к ситуациям с типичным аористом и типичным имперфектом.

Начнем с весьма примечательной сцены у Гомера – описания оружия, которое Гефест выковал Ахиллу взамен отданного Патроклу. Этот эпизод, по общему признанию, не будучи основным движущим мотивом сюжета, играет важную роль в тексте, ибо в нем представлена картина мира гомеровской Греции. Особенно это относится к описанию щита, на котором изображены охота, сельскохозяйственные работы и т. д. Понятно, что мир предстает здесь статичным и устойчивым. В 130 строках (II. XVIII 478–608) наличествуют 67 имперфектов, 6 сигматических аористов и 2 тематических. Этому периоду, однако, предшествует своего рода введение, построенное на аористах:

Ὡς εἰπὼν τὴν μὲν λίπεν αὐτοῦ, βῆ δ' ἐπὶ φῦσας,
τὰς δ' ἐς πῦρ ἔτρεψε, κέλευσε δ' ἐργάζεσθαι (468–469)

‘Так сказав, он ее покинул и отправился к (кузнечным) мехам, их направил в огонь, велел им трудиться’. Здесь мы видим завершённые действия без указания на их длительность. Впрочем, в следующей же строке появляется имперфект: *φῦσαι δ' ἐν χοάνοισι ἐείκοσι πᾶσαι ἐφύσων*, // *παντοίην εὐπρηστον αὐτὴν ἐξανιείσαι* ‘все же двадцать мехов в горниле дули, выпуская всяческое дуновение, полезное для огня’. Очевидно, здесь действие носит иной характер: о его завершении речь не идет, но подчеркнута его длительность (мехи дули во время всего процессаковки). Это и подчеркивает имперфект. Далее законченные действия передаются с помощью аориста:

...αὐτὰρ ἔπειθα
θήκεν ἐν ἄκμοθέτῳ μέγαν ἄκμονα, γέντο δὲ χειρὶ
ραυστήρα κρατερὴν, ἑτέρηφι δὲ γέντο πυράγρην (475–478)

‘Сразу же затем он установил на подставку большую наковальню, взял в руку могучий молот, в другую же взял клещи’. Эти аористы обозначают действия, непосредственно следующие за *ἔτρεψε*, *ἐκέλευσε*. Таким образом, имперфект может быть включен в аористный период. В нашем случае он обозначает действие, начавшееся в одно время с аористным, но не завершившееся вместе с ним.

После этого начинается весь период. Здесь мы находим имперфекты:

Ποίει δὲ πρῶτιστα σάκος μέγα τε στιβαρόν τε
πάντοσε δαιδάλλων περὶ δ' ἄντυγα βάλλε φαεινὴν...
...αὐτὰρ ἐν αὐτῷ
ποίηι δαίδαλα πολλὰ ἰδυίησιν πραπίδεσσιν (479–482)

⁷ Значение первичных и производных аористов, а также назальных презенсов рассмотрено в [Красухин 2003].

‘Прежде всего он сделал щит, большой и крепкий, украсив его со всех сторон, вокруг прибил блестящий обод, затем на нем сделал много прекрасного с мудрым умыслом’. Здесь первое ποίει, как и βάλλε, совершенно очевидным образом выражает законченное действие; его предел обозначен наречием αὐτόρ. Следовательно, имперфект здесь может обозначать только длительность. Различие между ним и аористами θῆκεν, γέντο заключается в характере не действия, а взгляда на него. Иными словами, это так называемый начинательный имперфект, о котором речь шла выше. За ним следует аорист:

Ἐν μὲν γαῖαν ἔτευξ’, ἐν δ’ οὐρανόν, ἐν δὲ θάλασσαν,
ἥλιον τ’ ἀκάμαντα σελήνην τε πλήθουσας,
ἐν δὲ τὰ τεῖρεα πάντα, τὰτ’ οὐρανός ἐστεφάνωται,
Πληιάδες θ’ Ὑάδες τε, τό τε στένος Ὠρίωνος
Ἀρκτὸν θ’, ἣν καὶ ἄμαξαν ἐπὶ κλησὶν καλέουσιν,
ἣτ’ αὐτοῦ στρέφεται καὶ τ’ Ὠρίωνα δοκεύει,
οἷη ἄμμορός ἐστι λοετρῶν Ὠκεανοῖο (483–489)

‘И поместил он (на щит) землю, небо и море, неутомимое солнце и полную луну, а также все созвездия, которыми небо увенчано, – Плеяды, Гиады, мощь Ориона, Большую Медведицу, которую кличут и именем Повозки, она обращается вокруг себя и следит за Орионом. Она же – единственная не участвующая в омовении Океана’⁸. Ясно, что завершённый недлительный аорист здесь противопоставлен презенсам и перфекту, обозначающим не события, а стабильные неизменные ситуации. В предшествующей ситуации нет такой оппозиции, поэтому в ней допустим имперфект. Интересна оппозиция ἐστεφάνωται и καλέουσιν, στρέφεται, ἐστί. Перфект выражает ситуацию, у которой есть начало (кто-то увенчал небо, и оно увенчано), а презенсы – абсолютно стабильную, всевременную ситуацию.

Картина резко меняется, когда Гомер описывает человеческие дела. И здесь период вводится аористом: Ἐν δὲ δὺω ποίησε πόλεις μερόπων ἀνθρώπων (490): ‘Сперва он создал два города бранных людей’. Затем же следуют почти исключительно имперфекты. В отличие от презенсов в (483–489), эти имперфекты обозначают стабильный характер действия, но вовсе не всевременной. Перед нами именно события, а не статичные ситуации: κοῦροι δ’ ὀρχεστήρες εδινεον ‘юноши-танцоры кружились’ (494), δύο δ’ ἄνδρες ἐνείκεον (498) ‘два мужа ссорились’, οἱ δ’ οὐπω πείθοντο (513) ‘они же не подчинялись’ и мн. др. Можно сказать и так: расположение и движение звезд для древнего грека не имело ни начала, ни конца, тогда как человеческая деятельность, пусть даже и изображенная на щите, имеет хотя бы потенциальное начало и конец.

Подавляющее большинство имперфектов в рассматриваемом пассаже имеет именно такое значение. Поэтому обратимся к немногочисленным аористам.

οἱ δὲ τάχα προγέγοντο, δὺω δ’ ἄμ’ ἔποντο νομῆες
τερπόμενοι σύριγξι· δόλον δ’ οὐτι προνόησαν.
οἱ μὲν τὰ προΐδόντες ἐπέδραμον, ὥκα δ’ ἔπειθα
τάμνοντ’ ἀμφὶ βοῶν ἀγέλας καὶ πάρεα καλὰ
ἀργεννῶν οἴων, κτεῖνον δ’ ἐπὶ μηλοβοτῆρας.
οἱ δ’ ὥς ἐπύθοντο πολὺν κέλαδον παρὰ βουσίν,
εἰράων προπάροιθε καθήμενοι, αὐτίκ’ ἐφ’ ἵππων
βάντες ἀερσιπόδων μετακίαθον, αἴψα δ’ ἵκοντο (525–532)

‘Они же быстро пришли, за ними следовало двое пастухов, наслаждающихся свирелью; но не помыслили они никакой хитрости. Одни, увидев это, побежали вперед, быстро разделяя стада быков и прекрасные отары белоснежных овец, убивали пастухов. Другие же, когда узнали о большой схватке вокруг быков, сидя вблизи от места собрания, тут же, отправившись на быстроногих конях, пустились в путь и тотчас пришли’. Этот контекст выделяется среди других своей динамичностью. В нем, в отличие от других, описывается последовательность событий. Действия первого плана выражены

⁸ Т.е. никогда не скрывающаяся за горизонтом.

аористами: аорист προῖοντο и фоновый по отношению к нему имперфект ἔποντο, аорист ἐπέδροον и κτεῖνον (этот имперфект можно истолковать и как длительный, аналогичный βέλε' ἤπτετο, πίπτε δὲ λαός в II. I 10). В с. 530–532 встречаются только аористы, если к ним присовокупить μετακίαθον. Формы на -θ- в древнегреческом не вполне встроены в систему глагольных времен; они образуют как презенсы, так и претериты. Но можно утверждать, что презенс на -θ- носит терминативный характер, а претерит по значению приближается к аористу [Chantraine 1927; Красухин 2001]. Таким образом, μετακίαθον входит в тот же семантический ряд, что и ἐλύθοντο, ἴκοντο и причастие βάντες. Все эти глаголы обозначают, что действие завершено, и представляют четкую временную последовательность: узнали – вскочили – отправились – пришли. Ситуация в общем эпизоде описания оружия необычна; необычны и глагольные времена, маркирующие ее.

Аорист ἐνεποίησε (в процитированном 490), а также в ἐν δ' ἄγελην ποίησε βοῶν ὀρθοκραίρων (573) 'и сотворил еще стадо быков пряморогих', ἐν δὲ νόων ποίησε περίκλυτος ἀμφιγυήεις (587) 'и сотворил еще стадо (овец) прославленный, крепкорукий' противостоит формульное ἐν δ' ἐτίθει (541; 550; 561; 607). Мы видим, что эти периоды имеют явную формальную и семантическую близость. Все они начинаются префиксом ἐν, указывающим на местоположение изображенного, за ним следует частица δέ и глагол, отделенный ею от приставки; встречаются и иные устойчивые сочетания. Их назначение – ввести новую часть повествования, описать новое изображение, созданное Гефестом на щите Ахилла. Каждое такое действие имеет и длительность, и завершение. Возможно, выбор той или иной формы объясняется метрическими причинами: ἐν δ' ἐτίθει (˘ ˘ | ˘ ...), тогда как ἐν δ' ἔθηκε дало бы схему (˘ ˘ ˘ ...), явно не укладывающуюся в гекзаметр. Аналогично – ἐν δὲ ποίησε (˘ ˘ | ˘ ...), отличающееся ритмом от ἐν δ' ἐποίει (˘ ˘ ˘ ...). Но хотелось бы подчеркнуть, что в данном случае можно говорить о существенной нейтрализации оппозиции имперфекта и аориста. Как видим, для поэта гораздо важнее совпадение ритмических структур вводящих сказуемых, чем единообразие аспектных форм. По-видимому, нейтрализацией оппозиций можно объяснить и наличие аориста (вместе с плюсквамперфектом) в следующем контексте:

ἐν δ' ἐτίθει σταφυλῆσιν μέγα βρίθουσιν ἄλωπην
καλὴν χρυσεῖην μέλανες δ' ἀνὰ βότρυες ἦσαν,
ἐστήκει δὲ κάμαξι διαμπερές ἀργυρέησιν.
ἀμφὶ δὲ, κυανέην κάπετον, περὶ δ' ἔρκος ἔλασσε
κασσιτέρου· μία δὲ οἷα ἀταρπιτὸς ἦεν ἐπ' αὐτὴν,
τῇ νίσσοντο φορῆες, ὅτε τρυγόμεν ἄλοήν (561–566)

'он выковал сильно обремененный гроздьями виноградник, прекрасный, золотой; там были черные кисти. Он стоял, опираясь на серебряные шесты. Вокруг же темного рва он пустил ограду из свинца. В винограднике была одна-единственная тропинка, у которой мылись виноградари, когда обирали виноградник'. Аорист ἔλασσε передает завершенное действие, противостоящее имперфектам стабильной ситуации. Обращает на себя внимание оптатив τρυγόμεν, передающий действие, не представленное в изображении, а лишь предполагаемое.

Последний аорист – ἤσκησεν (592). Здесь речь идет о том, что хоровод, изображенный Гефестом, подобен тому, который Дедал сделал для Ариадны в Кноссе. Он передает действие, завершенное к моменту описанных событий. В том же периоде действие Гефеста обозначено имперфектом ποίικλλε (см. выше).

Динамические же действия, противопоставленные обычным имперфектам, выражены в этом периоде итеративами на -σκο-:

οἱ δ' ὅτε μὲν θρέξασκον ἐπισταμένοισι πόδεσσιν
ρεῖα μάλ'...

.....

ἄλλοτε δ' αὖ θρέξασκον ἐπὶ στίχας ἀλλήλοισιν (599–602)

‘они же тогда бежали ловкими ногами... в разные же стороны они бежали, рядами друг по направлению к другу’. Эти формы играют здесь такую же роль, как имперфекты в обычном аористическом периоде.

После описания щита имперфекты не появляются до конца песни. Все личные глаголы стоят только в аористе, передавая его основное значение: завершённое действие без указания на длительность.

* * *

Но далеко не всегда имперфект передает стабильную ситуацию. Мы уже цитировали II. XVII 59–60 (κτάνε...ἑσύλα). Очень близок к этому оборот в XVI 125: Ἑκτωρ μὲν Πάτροκλον ἐπεὶ κλυτὰ τεύχε’ ἀπὴύρα, ἔλκε ‘Гектор оттащил Патрокла, когда забрал его славные доспехи’. Здесь вообще нет аористов⁹, тогда как ситуация не может считаться незаконченной. Эти контексты представляли собой камень преткновения для исследователей. Так, Г. Мутцбауэр [Mutzbauer 1888: 45] отмечает, что эти глаголы «едва ли можно определить как имперфект попытки». С его точки зрения, имперфект здесь приближается по значению к аористу. Б. Дельбрюк считает [Delbrück 1897: 306], что в данных случаях, напротив, аорист приближается в значении к «имперфекту попытки».

Для правильного понимания значения имперфекта обратимся к различным контекстам и попытаемся сравнить имперфект с аористом. Переход от аориста к имперфекту наличествует в (Од. XIV 263–265 = Од. XVII 431–434):

οἱ δ’ ὕβρι εἵξαντες, ἐπισπόμενοι μένει σφῶ,
αἴψα μάλ’ Αἰγυπτίων ἀνδρῶν περικαλλέας ἄγροῦς
πόρθεον, ἐκ δὲ γυναικας ὄγον καὶ νήπια τέκνα,
αὐτοῦς τ’ ἔκτεινον· τάχα δ’ ἐς πόλιν ἵκετ’ αὐτή

‘они же, дав волю своей гордыне, сразу стали разорять прекрасные поля египетских мужей; жен и малых детей прочь увели, самих же поубивали; быстро она сама в город пришла’. Здесь имперфекты (и это особенно подчеркивает фреквентатив πόρθεον) выражают многократные действия, противостоящие причастию εἵξαντες (действие, характеризующее ситуацию в целом) и ἵκετο (действие однократное и завершённое). Близок к этому, но все-таки несколько отличается имперфектный период в II. I 50–54:

οὐρήας μὲν πρῶτον ἐπῶχετο καὶ κύνας ἀργούς,
αὐτὰρ ἔπειτ’ αὐτοῖσι βέλος ἐχευεὺκές ἐφίεις
βάλλ’ αἰεὶ δὲ πυραὶ νεκύων κοῖοντο θαμειαί.
ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ὦχετο κῆλα θεοῖο
τῇ δεκάτῃ ἀγορήνδε καλέσσατο λαὸν Ἀχιλλεύς

‘Сперва (стрела Аполлона) полетела в мулов и борзых собак. Затем он тут же стал, выпуская, метать острую стрелу в самих (ахейцев). И все время горели (стали гореть) частые костры с мертвецами. Девять дней по войску летали стрелы бога; на десятый день созвал народ на собрание Ахилл’. Этот период продолжает аористный оборот μετὰ δ’ ἰὸν ἔηκεν (48) ‘и пустил прочь стрелу’. Ситуация завершённая заменяется повторяющимися. На их частоту указывают и лексические средства: наречие αἰεὶ ‘всегда, все время’, прилагательное θαμειαί ‘частые’. Этот период тоже имеет ограничение во времени – ἐννῆμαρ ‘девять дней’, но главное событие – мор ахейцев – этим сроком вовсе не заканчивается. Если можно так выразиться, началом конца его является действие, совершенное Ахиллом – созвать народное собрание (ибо именно там выясняется причина мора – гнев Аполлона, – и принимается решение умиловить бога). Оно обозначено аористом καλέσσατο, так как вполне завершено. Таким образом, ситуация, выраженная имперфектами, в данном случае мыслится как возникшая после законченного действия;

⁹ Глагол ἀπαυράω засвидетельствован у Гомера только в форме имперфекта, причастия ἀπούρας, футурума ἀπουρήσουσι. Форма имперфекта выглядит аспектно недифференцированной.

она развивается в определенных временных границах, но не завершается ими. В отличие от контекстов Od. XIV 259–262 = XVII 431–435, здесь различие между аористами и имперфектами можно условно назвать объективным¹⁰, так как оно выражает различие между действительно законченной и незаконченной ситуацией. Рассмотрим еще несколько контекстов с «субъективным» (т.е. встроенным в аористную ситуацию) имперфектом.

τῷ δ' ἔμπνευσε μένος Ἀθήνη,
κτεῖνε δ' ἐπιστροφάδην τῶν δὲ στόνος ὤρνυτ' αἰκῆς,
ἄορι θεινομένων, ἐρυθαίνετο δ' αἶματι γαῖα (Π. X 482–484)

‘гнев внушила ему богиня Афина, и он стал убивать направо и налево, поднимался страшный стон поражаемых мечом, земля краснела от крови’;

Πάτροκλος ἐπεὶ οὖν πρῶτας ἐπέκερσεν φαλόγγας,
ὄψ' ἐπὶ νῆας ἔεργε παλιμπετέες, οὐδὲ πόληος
εἷα ἱεμένους ἐπιβαινέμεν, ἀλλὰ μεσηγὺ
νηῶν καὶ ποτάμου καὶ τείχεος ὑψέλοιο
κτεῖνε μεταίσσων, πολέων δ' ἀπετίνυτο ποινήν (Π. XVI 394–398)

‘Патрокл же, когда в первый раз рассек фаланги, назад от кораблей прочь стал отбрасывать, чтобы тем, кто бросался (туда) от города, не оказаться там, но убивал (их), устремляясь (вперед), совершал наказание городам’. За этим периодом следуют описания единичных действий Патрокла: Πρόνοον πρῶτον βάλε (399) ‘первым сразил Проноя’, λύσε δὲ γυῖα (400) ‘развязал завязи’, ἔγχει νύξε (404) ‘ранил копьем’ и т. д. Очевидно, что весь этот материал дает довольно наглядное представление по крайней мере об одной функции имперфекта, о которой речь шла в первой части нашей работы. На наш взгляд, это не *imperfectum conatus*. Ведь эти глаголы обозначают не побуждение к действию, а само действие. Имперфекты следуют после аориста, значит, начало действия ситуационно выражено. И мы не случайно переводим такие имперфекты оборотом «стал + инфинитив». Подобно этим конструкциям, гомеровские имперфекты могут обозначать начало действия. И, подобно им же, они указывают на развитие действия, но не на его окончание. В этом их отличие от инхоативных аористов. Следует заметить, что одна функция имперфекта, в сущности, не исключает другую. Встретившийся нам в Π. X 483 оборот κτεῖνε ἐπιστροφάδην ‘убивал направо и налево’ в данном случае встроен в инхоативный период. Вся строка повторяется в Od. XXIV 183–185:

αὐτίκα γὰρ κατὰ δῶματ' ἐπισπόμενοι μένει σφῶ
κτεῖνον ἐπιστροφάδην, τῶν δὲ στόνος ὤρνυτ' αἰκῆς
κράτων τυπτομένων, δάπεδον δ' ἅπαν αἶματι θῦεν

‘и сразу же они, в своих домах следуя своей ярости, стали убивать направо и налево; поднимался страшный стон разбиваемых голов, земля задымилась кровью’. Если в первом из сравниваемых контекстов точку отсчета (начало события) задавала личная форма аориста ἔμπνευσε, то здесь – наречие αὐτίκα и причастия ἐπισπόμενοι. Но ввиду отсутствия личной формы аориста значение имперфекта в этом контексте не столь резко начинательно, как в Π. X 483. В обоих случаях наречие ἐπιστροφάδην (образованное от итеративного глагола ἐπιστροφάω) подчеркивает многократность этого действия.

После первого рассмотренного нами периода следует весьма примечательное сравнение:

ὥς δὲ λέων μῆλοισιν ἀσεμάντοισιν ἐπελθὼν,
αἰγέσσιν ἢ οἰέσσι, κακὰ φρονέων ἐπορούσῃ,

¹⁰ Конечно, все аспектуальные и временные различия в языке субъективны. В любом случае они выражают прежде всего представление говорящего о событии. Но и в этой субъективности возможна градация: при абсолютной субъективности одно и то же событие описывается различными аспектуально-временными граммемами, а стремление соотнести языковое время с реальной длительностью-завершенностью события свидетельствует о некоторой тяге к объективности.

ὥς μὲν Θρήικας ἄνδρας ἐπώχετο Τυδέος υἱός,
ὄφρα δὲ δώδεκ' ἔτεφνε... (Π. X 485–488)

‘подобно тому, как лев, прийдя в стада, лишённые предводителя, к козам или овцам, набросился (бы), зло задумывая, так сын Тидея стал кидаться на фракийцев, пока не убил двенадцать (человек)’. В протасисе здесь стоит аорист конъюнктива¹¹, указывающий на завершенность гипотетического действия, в аподосисе же – имперфект. Действие, выраженное им, имеет начало и конец. Но о конце действия говорит аорист (ὄφρα) ἔτεφνε ‘(пока не) убил’.

Имперфект также может начинать период:

ἐκ δ' εὐνὰς ἔβαλον, κατὰ δὲ πρυμνήσι' ἔδησαν
ἐκ δὲ καὶ αὐτοὶ βοῖνον ἐπὶ ρηγμῖνι θαλάσσης,
ἐκ δ' ἐκατόμβην βῆσαν ἐκηβόλῳ Ἀπόλλωνι,
ἐκ δὲ Χρυσῆς νηὸς βῆ ποντοπόροιο (Π. I 435–438).

‘Отбросили они камни (удерживающие корабль), повязали канаты, сами же двинулись к морскому прибою. Отправили гекатомбу далекоразящему Аполлону, Хрисеида же вступила на мореходный корабль’. В данном случае имперфект βοῖνον с его явно инхоативной семантикой одновременно стоит в pendant к аористу ἔβαλον (завершенное vs. начатое новое действие). Но в двух следующих предложениях аористные сказуемые образованы от того же корня βη/βα. Это подчеркивает, что βοῖνον начинает следующий период, а завершенные действия (βῆσαν, βῆ) суть следствия данного, незавершенного. Любопытно, что строки 436–437 точно повторяются в Od. XV 498–499, однако за ними следует: δειπνόν τ' ἐντύνοντο κερῶντό τε αἶθολα οἶνον (500) ‘приготавливали обед и смешивали темное вино’. Союз τε (в противоположность δὲ предыдущего контекста) в данном случае указывает на абсолютную равноправность всех действий, а не на причинно-следственные отношения. Неудивительно, что все глаголы здесь стоят в имперфекте.

Сочетание аориста и имперфекта от этого же корня представлено в Od. XI 4–5: ἐν δὲ τὰ μῆλα λαβόντες ἐβήσαμεν, ὃν δὲ καὶ αὐτοὶ // βοῖνομεν... ‘взяв овец, мы их отправили, пошли и сами’. В этом контексте различие между аористом и имперфектом ослабевает; можно полагать, что различие времен здесь указывает на членимость ситуации.

Мы уже говорили, что начинательное значение свойственно не только имперфекту. Приведем еще примеры ингрессивного аориста: μίσσησεν δ' ἄρα μιν δῆϊων κυσὶ κῦρμα γένεσθαι // Τρωῆσιν (Π. XVII 272–273) ‘не угодно ему стало, чтобы тот стал добычей троянских собак’; аналогично – повторяющаяся формула ὅξ' ὅ νόησε ‘крепко задумался’ (= начал думать) [Zsilka 1967]. Начинательное значение имеет и аорист βῆ ‘он отправился’. Отметим также контекст, где инхоативный аорист по сути равнозначен инхоативному имперфекту: καὶ τότε δὴ θάρσθησε καὶ ἦνδα μόντις ἀμύμων (Π. I 92) ‘И тогда набрался смелости, и начал говорить прорицатель-защитник’. Но различия имперфекта и аориста в начинательной функции вполне очевидны. Первый указывает на исходную точку действия, но не на его завершение. Наоборот, как мы неоднократно убеждались, начавшееся действие может быть длительным, многократным, в которое вовлечены многие субъекты и объекты. Аорист же и начало действия представляется как компактное, завершенное событие. Это же можно продемонстрировать на материале контекста, где завершительный аорист противостоит начинательному имперфекту. В Π. I 458–474 описывается жертвоприношение и пир, совершенные ахейцами после то-

¹¹ Конъюнктив в общем не обязателен в оборотах сравнения. Здесь он обусловлен особой семантикой вводного союза ὥς δέ; аналогичное значение имеет сочетание ὥς ὅτε и изредка ὥς τε. Эти союзы указывают на то, что действие не относится ни к реальности, ни к волеизъявлению, – о нем просто упомянуто. В Ригведе и Авесте такой модус выражается особой формой инъюнктива – безаугментный глагол с вторичными окончаниями. У Гомера специфическое значение инъюнктива исчезло (или не развилось), поэтому данная функция передается либо конъюнктивом, либо (чаще всего при союзе ὥς ὅτε) – индикативом. См. о семантике этого сочетания [Wackernagel 1953: 257–261; Красухин 2005б].

го как Хрисеида была возвращена отцу. Жертвоприношение характеризуется исключительно аористами: αὐέρυσαν μὲν πρῶτα καὶ ἔσφαξαν καὶ ἔδειραν... ἐξέταμον... ἐκάλυψαν 'Сперва они нагнули (шеи жертвенным животным), и перерезали, и ободрали... освеживали и спрятали' (459–460). Затем следуют периоды с имперфектами: καίε δ' ἐπὶ σχίζης ὁ γέρων, ἐπὶ δ' αἶθοπα οἶνον // λείβε· νέοι δὲ παρ' αὐτὸν ἔχον πεμπόβολα χερσίν (462–463) 'Старец стал зажигать (огонь) факелами и возливать вино; юноши же рядом с ним держали котел'. Множественность имперфектных действий противостоит не единичным, но завершенным событиям, обозначенным аористом. Несколько иной характер имеет противопоставление обоих претеритальных времен в 463–474.

Αὐτὰρ ἐπεὶ κατὰ μῆρα κάη καὶ σπλάγχνα πάσαντο
 μίστυλλον τ' ἄρα τᾶλλα καὶ ἄμφ' ὀβέλοισιν ἔπειραν
 ὥπτησάν τε περιφραδέως, ἐρύσαντο δὲ πάντα.
 αὐτὰρ ἐπεὶ πάυσαντο πόνου, τετύκοντό τε δαῖτα
 δαίνυντ', οὐδέ τι θυμὸς ἐδεύετο δαιτὸς εἴσης (464–468)

'Затем, когда бедра сгорели и внутренности были съедены, они разрубили все остальное и нанизали на вертела, все тщательно прожарили и вытащили (из огня)¹². Когда же они закончили работу и устроили пир, то стали пировать, и ничья душа не была лишена равной доли'. Аорист, обозначающий законченное действие, здесь явно противостоит имперфекту, указывающему на начало, но не на завершение. Это и последующие события выступают как не имеющие предела. Это не значит, что они не завершены в реальности, но в тексте они волею автора представлены незаконченными. Представляется, что таким образом Гомер добивается разграничения двух периодов: жертвоприношение и приготовление обеда vs. сам обед. В первом случае автору важно подчеркнуть законченность действия, во втором – его продолжительность. Длительность во времени особенно очевидна в последнем глаголе данного периода: ὁ δὲ φρένα τέρπεται ἄκοῦον (474) 'он же (Аполлон), слушая, радовался душой'.

Противоположный пример – переход от имперфекта к аористу – можно наблюдать в надписи V века из Метопонта (Аркадия): χαῖρε, ῥάναξ Н(ε)ράκλες/Νικόμαχος μ' ἐπόει/ὁ τοι κεραμεύς μ' ἀνεθέκε/δὸς δέ Ϝ' ἰν ἀνθρώποις/δόξαν ἔχειν ἀγαθάν (GDI 438) 'радуйся, о владыка Геракл! Никомас меня сделал, этот гончар меня установил. Дай же ему иметь добрую славу среди людей!'. Формы имперфекта в посвятительных надписях встречаются крайне редко. И в данном случае она появилась, очевидно, потому, что одна ситуация («Никомас меня посвятил») представлена двумя событиями: 1) Никомас сделал; 2) гончар (очевидно, то же лицо) посвятил. Имперфект ἐποίει указывает на то, что действие еще не окончено, а его субъект только замышляет о его завершении. Завершение же передано аористом ἀνεθήκε¹³. Этот же имперфект встретился еще в нескольких посвятительных надписях:

Νηιοῦ Τλασιάρχο Μενεκράτεος τόδε σᾶμα
 'Οιάνθεος γενεάν' τόδε τ' αὐτῷ δᾶμος ἐποίει

Πραξιμένῃς δ' αὐτῷ [αἰα]ς ἀπὸ πατρίδος ἔνθον (5)

σὺν δάμ[ο]ι τόδε σᾶμα κασιγνέθιοι πονέθῃ (GDI 3188) 'Этот памятник – Менекрата, сына Тласия из рода Эанта. Его сделал (imprf.) народ. Праксимен, из отчей земли придя, ему вместе с народом этот памятник родственнику поставил'. Форма πονέθῃ представляет собой аористоподобное образование, распространенное в эпическом языке: ср. ἔχω – ἔσχεθε, κίω – μετακίαθον. В общегреческий язык вошел аорист ἐλαθον < *ε-πν-θ^ε/ο- [Красухин 2001]. И здесь этот глагол указывает на завершение ситуации, тогда как имперфект ἐποίει характеризует ее лишь в общем, как еще не оконченную.

¹² Имперфект μίστυλλον поставлен, очевидно, metri causa. Кроме того, аорист от этого глагола у Гомера вообще не засвидетельствован.

¹³ Мы приблизили написание этих форм к аттической норме. Их фонетический облик, очевидно, выглядел так: /epóie/ и /aneti^hēke/

Отметим еще одну любопытную черту, характеризующую взаимоотношения имперфекта и аориста. Первый из них, как правило, вводит речи, тогда как второй их завершает. В первой позиции возможен и аорист, тогда как во второй он не встречается. Обратимся к фактическому материалу. Для рассмотрения были избраны первая песнь Илиады и первая – Одиссеи, ибо они особенно насыщены диалогами. В зачинах речей наблюдаются следующие времена.

1) Аорист: τὸν δ' αὐτὲ προσέειπε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη (Il. I 206 = Od. I 177) 'и тут же ему сказала совоокая богиня Афина'; ἀλλ' ὁ γ' Ταλθύβιον τε καὶ Εὐρυβάτην προσέειπεν (Il. I 320) 'но он сказал Талфибию и Эврибату'. Иногда фигурируют два глагола в аористе: (Κάλχας) ... ἄγορήσατο καὶ μετέειπεν '(Καλχас) заговорил и вымолвил' (вторая часть повторяется в Il. I 253: ὁ σφιν εὐ φρονέων ἄγορήσατο καὶ μετέειπεν 'сочувствуя им, он (Нестор) заговорил и вымолвил'); αὐτὰρ ὁ δ' ἔγνω ἥσιν ἐνὶ φρεσὶν φώνησέν τε (Il. I 334) 'узнал их в своей душе и сказал'.

1a) В группе контекстов, близких по значению к предшествующим, личная форма глагола в аористе сочетается с аористным же причастием: τὸν δ' ὄρ' ὑπόδρα ἰδὼν προσέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς (Il. I 146) 'взглянув исподлобья, сказал быстроногий Ахилл'; τὴν δὲ μέγ' ὀχθήσας προσέφη νεφεληγερέτα Ζεὺς (Il. I 517) 'ей, сильно опечалившись, вымолвил тучегонитель Зевс'; αὐτὰρ Τηλέμαχον προσέφη γλαυκῶπις Ἀθήνη // ὄρχι σχὼν κεφαλὴν, ἵνα μὴ πυθοῖαθ' οἱ ἄλλοι (Od. I 156–157) 'тут же Телемаху сказала совоокая дева Афина, приблизив к нему голову, чтобы не услышали другие'. Первая часть этого предложения близка по лексическому составу к Il. I 206: в обоих случаях частица αὐτὲ/αὐτὰρ 'тут же' подчеркивает спрессованность времени, характерную для аориста;

1b) Но чаще аористный глагол сочетается с презентными причастиями: τὸν/τὴν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη (Il. I 84 – πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς = 215, 285 – κρείων Ἀγαμέμνων, 560 – νεφεληγερέτα Ζεὺς = Od. I 62) 'на смену ему/ей сказал (быстроногий Ахилл, владыка Агамемнон, тучегонитель Зевс)'. Другие сочетания: τοῖσι δ' ἀνιστάμενος μετέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς (Il. I 58) 'Встав между ними, высказался быстроногий Ахилл'; Κάλχαντα... κακ' ὀσσόμενος προσέειπεν (Il. I 105) 'зло глядя на Калхаса, сказал'; πολλὰ δὲ μητρὶ φίλῃ ἠρήσατο χείρας ὀρεγνύς (Il. I 351) 'жарко взмолился любимой матери, простирая руки'; τὴν δὲ βαρὺ στενάχων προσέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς (Il. I 364) 'тяжко стеновая, сказал ей быстроногий Ахиллес'; λισσομένη προσέειπε Δία Κρονίωνα ἄνακτα (Il. I 502) 'умоляя, обратилась она к владыке Зевсу Крониону'. Все эти причастия условно можно разбить на две группы: 1. Причастия со значением 'говорить, издавать звуки, высказываться': στενάχων 'стенающий', λισσομένη 'умоляющая'; они модифицируют значение глагола. Из них наименее семантически насыщено, конечно, λισσομένη: στενάχων может рассматриваться и как дополнительное действие. 2. Причастия со значением добавочного действия: ἀνιστάμενος 'встающий', ὀσσόμενος 'глядящий', ὀρεγνύς 'простирающий'. Примечательно, что такое же значение имеют и почти все аористные причастия. Можно поспорить, конечно, о функции ὀχθήσας, которое характеризует настрой говорящего. Но совершенно очевидно, что оно не образует конструкцию ἐν δὶα δις, подобно λισσομένη. И особняком стоит причастие ἀπαμειβόμενος 'сменяющий', которое может трактоваться и как характеризующее, и как добавочное.

2) В той же позиции распространен и имперфект. Наиболее часто встречается глагол ἡμείβετο: τὸν/τὴν δ' ἡμείβετ' ἔπειτα (Il. I 121 – ποδάρκης δῖος Ἀχιλλεύς, 172 – ἄναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων, 413 – Θέτις κατὰ δάκρυ χέουσα, 544 – πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε, 551 – βοῶπις πότνια Ἥρη, Od. I 80 – θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη) 'затем сменил (= ответил) его/ее (крепконогий божественный Ахилл, владыка мужей Агамемнон, Фетида, проливая слезы, отец мужей и богов, волоокая владычица Гера, совоокая богиня Афина)'. Весьма показательно сравнение этого оборота с рассмотренной выше формулой ἀπαμειβόμενος προσέφη: то, что в одном высказывании выражалось сочетанием причастия с глаголом, передается в другом единым глаголом с имперфектом. Из этого напрашивается вывод: имперфект в данной позиции сочетает в себе значение презентного прича-

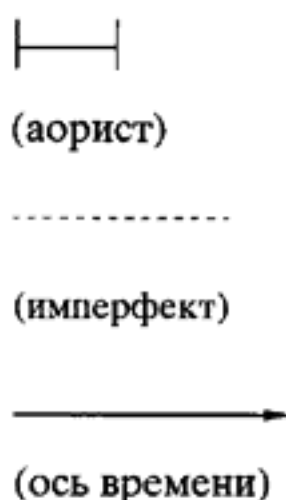
ствия и аористной личной формы. Вряд ли из этого можно делать напрямую вывод о том, что имперфект может иметь значение краткого или завершенного действия. Но фиксация начала действия без указания на его завершение – это одно из важных значений имперфекта. В причастных оборотах идея начала действия и его протяженности во времени передается презентным причастием, тогда как аорист указывает на его завершение. Но это не является основным значением глагольной формы в данном контексте. Пользуясь терминологией функциональной грамматики, можно сказать, что значение начинательности и длительности действия здесь базовое, а завершенности – фоновое.

Поэтому аористу (прос-, мет-)ῆφη может соответствовать имперфект (прос-, мет-)ῆδα: αὐτίκα κερτομέοισι Δία Κρονίωνα προσῆδα (Il. I 539) ‘И тут же язвительно сказала Зевсу Крониону’; τὸν δ’ αὐτ’ Εὐρύμαχος, Πολύβιου παῖς ἄντιον ῆδα (Od. I 399) ‘И тут же ему Эвримах, сын Полибия, с возражением сказал’. В обоих контекстах присутствует частица со значением ‘тут же’ (αὐτίκα/αὐτε), а характеристика действия выражена не причастиями, а наречиями. Это подтверждает мысль о том, что именно имперфект синтезирует в себе основные значения данной ситуации – введения в речь, – и может характеризовать ее и без дополнительных глаголов. Приведем и другие самостоятельные имперфекты: ἀλλὰ κακῶς ἀφίει, κρατερὸν δ’ ἐπὶ μῦθον ἔτελλεν (Il. I 25) ‘но со злобой прогнал (Хриса Агамемнон), суровое слово вымолвил’; πολλὰ δ’ ἀπανεῦθε κίων ἦραθ’ ὁ γεραιός (35) ‘далеко прочь уйдя, взмолился старец’; ὥς ἔχειτ’ ἐλεμφυῖα καὶ εἶρετο δεῦτερον αὐτὶς (513) ‘так (Фетида) держалась, прильнув, и (за)говорила вторично’. Эти процессуальные имперфекты противопоставлены предшествующему моментивному аористу ἦψατο γούνων (512) ‘обхватила колени’.

Но и имперфект часто сочетается с причастиями; в некоторых из приведенных контекстов наличествовали презентные причастия, однако чаще он сочетается с причастиями аориста. Здесь нужно отметить прежде всего формулу καὶ μὴ φωνήσας ἔπειτα πτερόεντα προσῆδα (Il. I 201; Od. I 123). Это типичный ἐν διὰ δίς (выражение одной мысли двумя словами), по смыслу аналогичный формуле ἀπαμειβόμενος προσέφη. Их объединяет то, что одно действие выражено здесь причастием и глаголом; но в данном случае причастие выражает законченность, а личная форма – протяженность. Лексическое же значение причастия φωνήσας и глагола προσῆδα почти одинаково. В других же контекстах причастие, как правило, сообщает дополнительное значение. Некоторые из причастий указывают речевую или мыслительную деятельность, другие – на физическую. К первой группе отнесем: (Πηνελοπεία) δακρύσασα δ’ ἔπειτα προσῆδα θεῖον ὁοιδόν (Od. I 336); τοῦ δ’ ἐπιμνησθεὶς ἔπε’ ἄθανάτοισι μετήδα (Od. I 31) ‘вспомнив о нем, молвила слово (Афина) бессмертным’; τὸν δ’ ἐπαλαστήσασα προσῆδα Παλλὰς Ἀθήνη (Od. I 253) ‘вознегодовав, сказала ему Афина Паллада’. Ко второму типу относится Il. I 450: Χρύσης μεγάλ’ εὐχετο χεῖρας ἀνασχών ‘Хрис жарко взмолился, простирая руки’. Наконец, в Одиссее встретилась формула, где имперфект сочетается с причастием перфекта: τὸν/τὴν δ’ αὖ Τηλέμαχος πεπνυμένος ἄντιον ῆδα (213, 230, 306, 345, 388) ‘ему Телемах разумный в ответ сказал’. Перевод πεπνυμένος дается по словарям; в этом случае оно совершенно утратило специфически причастное значение и превратилось в прилагательное. Но можно его интерпретировать и как ‘вздыхнувший’ (πνέω ‘дышать’). В таком случае причастие должно сохранять значение перфекта: прошедшее, продолжающееся в настоящем, точнее говоря, в точке референции. При этом же подлежащем встретилось не совсем обычное в данных конструкциях сказуемое: τοῖσι δὲ Τηλέμαχος πεπνυμένος ἦρχετο μῦθον (Od. I 367) ‘и им разумный Телемах начал говорить (дословно – начал слово)’. Здесь эксплицитно выражен инхоативный характер имперфекта, который, как мы могли убедиться, является одной из важных его функций. Такая же конструкция с заменой существительного на инфинитив – τοῖσιν δ’ Ἥφαιστος κλυτοτέχνης ἦρχ ἄγορεύειν (Il. I 571) ‘им славный ремеслом Гефест начал говорить’¹⁴.

¹⁴ Различие в залогах (медий ἦρχετο – актив ἦρχε) здесь не играет никакой роли. Так же равнозначны активный аорист ῆφη и медиальный ῆφατο ‘он сказал’ (см. ниже). Именно в данном случае можно говорить о нейтрализации оппозиции действительного и среднего залога.

3) Наконец, в некоторых вводных конструкциях встречаются имперфект и аорист. Второй из них может характеризовать как глагол речи, так и другой глагол. Ср. 1) καὶ ὁ γὰρ ἦλθε θεὸς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν... καὶ λίσσετο πάντας Ἀχαιοὺς (Π. 12–15) ‘И вот (Хрис) пришел к быстрым кораблям ахейцев, и стал умолять всех ахейцев’; καὶ τότε δὲ θάρσισε καὶ ἠύδα μάντις ὀμφύμων (Π. I 92) ‘и тогда решился и заговорил прорицатель’; 2) Ἀτρείδην προσέειπε καὶ οὐπὼ λῆγε χόλοιο (Π. I 92) ‘К Атриду (Ахилл) обратился и не утихомирил гнев’; ἔπος δ’ ἔφατ, ἐκ δ’ ὀνόμαζεν (Π. I 361) ‘сказала слово, обратилась к нему’. В этих предложениях аорист характеризует первое и более раннее действие, имперфект – второе. Иначе говоря, здесь можно говорить о том, что аорист, как и в некоторых ведийских контекстах, обозначает «предпрошедшее», т.е. прошлое событие, предшествующее другому прошедшему. А поскольку у Гомера аспектуальные значения временных форм хорошо сохраняются, то мы можем проследить механизмы развития этого значения. Глагол краткого и завершенного события, в чьей семантике наличествует идея конца, в противопоставлении глаголу недетерминированному (в терминологии Я. Сафаревича [Safarewicz 1965]) приобретает значение предшествования. Схематически это можно выразить так:

В других случаях глагол в имперфекте может предшествовать аористному:

...δέπας ὀμφικύπελλον

μητρὶ φίλῃ ἐν χειρὶ τίθει καὶ μιν προσέειπεν (Π. I 584–585)

‘двучашный кубок передал в руку любимой матери и сказал ей’. Здесь, очевидно, соотношение аориста и имперфекта несколько иное. Первый обозначает фон, на котором разворачивается действие второго. Речь идет о том, что начало имперфектного действия одновременно с аористным или предшествует ему, а конец, в отличие от аориста, не подразумевается. В том, что предложенная интерпретация верна, убеждает другой контекст, где строчка 585 почти полностью повторяется: ...τὴν... // πατρὶ φίλῳ ἐν χερσὶ τίθει, καὶ μιν προσέειπεν (440–441) ‘ее (Одиссей) передал в руки любимому отцу и сказал ему’. Продолжительность действия, обозначенного имперфектом τίθει, подтверждается его наличием в завершении речи: ὥς εἰπὼν ἐν χερσὶ τίθει (446) ‘так сказав, он передал в руку’: говорение протекло на фоне передачи. Изобразим схематически эти взаимоотношения так:

Таковы речевые зачины Илиады и Одиссеи.

Что же касается завершений речи, то в них почти не встретился имперфект. Самая стандартная формула – ὥς φάτο (перед согласным)/ὥς ἔφατ’ (перед гласным), ср. ὥς φάτο εὐχόμενος, τοῦ δ’ ἔκλυε Φοῖβος Ἀπολλών (Π. I 43 = 457) ‘так он сказал, умоляя, и по-

слушал его Феб Аполлон'; ὥς φάτο δάκρυ χέων, τοῦ δ' ἔκλυε πότνια μήτηρ (357) 'так он сказал, проливая слезы, и послушала его владычица мать'. Один раз встретился глагол в активном залоге: ὥς ἄρ' ἔφη (Π. I 584). Как мы отмечали, залоговая оппозиция в данном случае полностью элиминирована. После этого завершения часто следуют сочиненные предложения, соединенные либо конъюнкцией, либо противопоставлением. Глагол в них стоит по большей части в аористе: ἔδεισεν δὲ γέρων (Π. I 33) 'старец же испугался' (в Π. I 560 – βοῶπις πότνια Ἥρη 'волооккая владычица Гера'); Πηλείωνι δ' ἄχος γένετο (Π. I 188) 'у Пелида же гнев родился', ὥς φάτο Πηλείδης ποτὶ δὲ σκῆπτρον βάλε γαῖαν (Π. I 245) 'так сказал Пелеид, посох же бросил на землю'; τὴν δ' οὐτι προσέφη νεφεληγερέτα Ζεὺς 'но ничего не ответил ей тучегонитель Зевс' (это можно назвать отрицательным зачином, – он указывает на неосуществление речевого акта); μέιδησεν δὲ θεὰ, λευκώλενος Ἥρη (Π. I 595) 'улыбнулась белолокотная богиня Гера'. Значительно реже встречается имперфект: ὥς ἔφατ', οἱ δ' ἄρα πάντες ὁδᾶξ ἐν χεῖλεσι φῦντες // Τηλέμαχον θαύμαζον, ὁ θαρσαλέως ἀγόρευεν (Od. I 381–382) «так он сказал; они же, закусив губы, дивились Телемаху, который дерзко говорил». Различие между действиями, представленными как завершённое и незавершённое, здесь очевидно. Говорящий закончил речь, слушающие продолжали удивляться, и говорение в их памяти тоже предстает как продолжающееся.

В другом контексте представлены особенно характерные сочетания презенсов и аористов. Необходимо рассмотреть как зачин, так и завершение речи: А.

τὼ γὰρ ταρβήσαντε καὶ αἰδομένῳ βασιλῆα
στήτην, οὐδέ τι μὲν προσεφώνεον οὐδ' ἔρέοντο
αὐτὰρ ὁ ἔγνω ἦσιν ἐνὶ φρεσὶ φώνησέν τε (Π. I 321–323)

'Оба они, боясь и смущаясь царя, остановились, ничего не произносили и не говорили. Он же их узнал в своей душе и обратился к ним'.

Имперфекты προσεφώνεον и ἔρέοντο, как представляется, выражают в данном случае неуверенность: посланцы Агамемнона ничего не говорили, т. к. не знали, что им сказать. И эта незавершенность противостоит аористам законченного действия ἔγνω и φώνησεν. В окончании же речи подобный же аорист противостоит начинательному имперфекту: В.

ὥς φάτο, Πάτροκλος δὲ φίλῳ ἐπελείθεθ' ἑταίρῳ (345)
'так он сказал, и Патрокл послушался милого друга'.

Вслед за имперфектным началом идут аористы завершения:

ἐκ δ' ἄγαγε κλισίης Βρισηΐδα καλλιπάρηον

δῶκε δ' ἄγειν (345–346) 'вывел из палатки прекраснотканную Брисеиду, дал ее увести'¹⁵.

Таким образом, имперфект и аорист используются Гомером для построения глагольных цепочек на оси времени, в которых в зависимости от характера ситуации и интенции автора может акцентироваться начало/протекание/конец действия, его завершенность/незавершенность, нахождение на первом или втором плане внимания говорящего.

Наконец, и в окончаниях речи говорение выражено причастиями (исключительно аористными); главный же глагол предложения может стоять как в аористе, так и в имперфекте. А. ὥς ἄρα φώνησας ἀπεβήσετο, τὸν δ' ἔλπ' αὐτοῦ // χωόμενον... (Π. I 428–429) 'так промолвив, она отправилась, оставив его там же, гневающегося'¹⁶. Здесь противопоставление аористного и имперфектного причастия достаточно четко: первое обозначает завершенное действие, второе – длящееся и незавершенное. Ср. также: ὥς εἰποῦσ' ὑπὸ ποσσὶν ἐδήσατο καλὰ πέδιλα (Od. I 96) 'так сказав, повязала под ступнями красивые сандалии'. В. ὥς εἰπὼν προΐει, κρατερὸν δ' ἐπὶ μῦθον ἔτελλεν (Π. I 326) 'так сказав, он пошел вперед, вымолвил суровое слово'. Перед нами довольно редкий пример имперфек-

¹⁵ Отметим, что аорист δῶκε управляет инфинитивом презенса, который указывает на событие, начавшееся после окончания действия аориста и не представленное в его завершении.

¹⁶ Строка 428 повторяется в Π. II 35.

та в абсолютном заключении речи. Чем вызвано его появление? Можно предложить несколько объяснений. Во-первых, данный полустих повторяется в ст. 25. Ее можно рассматривать как своего рода введение в конфликтную ситуацию: Агамемнон отказывается отдать дочь Хрису, из-за чего на греков обрушился гнев Аполлона. В ст. 326 содержится разрешение этой ситуации и одновременно завязка новой: Агамемнон соглашается вернуть Хрисеиду отцу и одновременно требует себе взамен наложницу Ахилла, из-за чего произойдут новые несчастья для ахейцев. Эта взаимосвязь и передается формульным сочетанием $\kappa\rho\alpha\tau\epsilon\rho\acute{o}\nu\ \delta'\ \epsilon\pi\grave{\iota}\ \mu\ddot{\upsilon}\theta\omicron\nu\ \epsilon\tau\epsilon\lambda\lambda\epsilon\nu$. Во-вторых, имперфект $\epsilon\tau\epsilon\lambda\lambda\epsilon$ указывает на событие, предшествующее тому, что описано в аналитической конструкции $\epsilon\iota\pi\acute{\omega}\nu\ \pi\rho\acute{o}\iota\epsilon\iota$. В дальнейшем мы еще столкнемся со способностью имперфекта выражать предшествование в претерите. Но, безусловно, можно сказать о том, что оппозиция имперфекта и аориста в данном контексте заметно ослабела.

Еще одно сочетание аористного причастия говорения с глаголом добавочного действия в имперфекте тоже по-своему примечательно: $\ddot{\omega}\varsigma\ \epsilon\iota\pi\acute{\omega}\nu\ \eta\gamma\epsilon\iota\theta'$, $\eta\ \delta'\ \epsilon\sigma\pi\epsilon\tau\omicron\ \text{Παλλὰς}\ \text{Ἀθήνη}$ (Od. I 125) 'так сказав, он пошел вперед, ему последовала Афина Паллада'. Имперфект $\eta\gamma\epsilon\iota\tau\omicron$ здесь явно носит начинательный характер, но то же можно сказать и об аористе $\epsilon\sigma\pi\epsilon\tau\omicron$. И здесь мы сталкиваемся с особенностью ситуационной семантики аспекта: начинательное незаконченное действие начинает ситуацию, тогда как начинательное завершённое действие ее заканчивает. Проиллюстрируем и это взаимоотношение схемой:

—|----

—|————

————→

Отметим также своеобразное сочетание глагола и причастия в II. I 304–305: $\ddot{\omega}\varsigma\ \tau\acute{\omega}\ \gamma'\ \acute{\alpha}\nu\tau\iota\beta\acute{\iota}\omicron\iota\sigma\iota\ \mu\alpha\chi\eta\sigma\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\ \epsilon\lambda\acute{\epsilon}\epsilon\sigma\sigma\iota\nu\ //\ \acute{\alpha}\nu\sigma\tau\acute{\eta}\tau\eta\nu,\ \lambda\ddot{\upsilon}\sigma\alpha\nu\ \delta'\ \acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\eta}\nu\ldots$ 'вот так они вскочили, сражаясь словами, собрание же (тем временем) закрыли'. Аористы личных и причастных форм указывают на то, что действие завершено.

Первые песни «Илиады» и «Одиссеи» предоставили материал, который можно назвать каноническим. Поэтому теперь, не претендуя на полноту, отметим в других песнях те элементы речевых зачинов и завершений, которые отличаются от рассмотренных выше. Во-первых, в одном контексте встретился аорист от корня $\alpha\upsilon$ –: $\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\rho\ \acute{\omicron}\ \mu\alpha\kappa\rho\acute{o}\nu\ \acute{\alpha}\upsilon\sigma\epsilon\ \acute{\alpha}\nu\alpha\zeta\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu\ \text{Ἀγαμέμνων}$ (II. III 81) 'и тут же громко крикнул владыка мужей Агамемнон'. Аорист $\acute{\alpha}\upsilon\sigma\epsilon$ образован от звукоподражательного в своих истоках глагола $\acute{\alpha}\upsilon\omega$; его другой вариант – $\alpha\upsilon\delta\alpha$ – нам уже известен. Как можно было видеть выше, он часто употребляется либо с именем объекта ($\epsilon\lambda\epsilon\alpha$), либо с обстоятельственным ($\kappa\epsilon\rho\tau\omicron\mu\acute{\epsilon}\omicron\iota\sigma\iota$). Эти плюральные имена подчеркивают длительность действия. Аорист же $\acute{\alpha}\upsilon\sigma\epsilon$ лишен указания на это. С одной стороны, его лексическое значение менее определено, чем у варианта $\acute{\alpha}\upsilon\delta\acute{\alpha}\omega$ ('кричать' vs. 'говорить, издавать членораздельный звуки'), с другой – его грамматическое (аспектуальное) значение не допускает плюральных термов. Оппозиция $\acute{\alpha}\upsilon\sigma\epsilon\nu$ и $\eta\ddot{\upsilon}\delta\alpha$ диагностирует тонкие различия между имперфектом и аористом.

Плюральность может быть выражена и глаголом: $\ddot{\omega}\delta\epsilon\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\iota\varsigma\ \epsilon\iota\lambda\epsilon\sigma\kappa\epsilon\nu\ \acute{\iota}\delta\acute{\omega}\nu\ \epsilon\kappa\ \pi\lambda\eta\sigma\acute{\iota}\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\varsigma$ (II. II 271) 'так кто-то иной говорил (= мог бы сказать), увидев (это) вблизи'. Первый полустих повторен также в II. III 297 и 319: $\ddot{\omega}\delta\epsilon\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\iota\varsigma\ \epsilon\iota\lambda\epsilon\sigma\kappa\epsilon\nu\ \text{Ἀχαιῶν}\ \tau\epsilon\ \text{Τρῶων}\ \tau\epsilon$ 'так кто-то говорил (= мог бы сказать) из ахейцев и троянцев'. Здесь мы сталкиваемся с довольно своеобразным образованием: формой на -σκ- от основы аориста. В первой части нашей работы мы отмечали, что глаголы на -σκ- в общеиндоевропейском языковом состоянии образовались от корней с 0 степенью вокализма; поэтому аорист-

ное φύεσκεν более архаично, чем презентное φεύεσκεν. Но в гомеровском языке есть -σκ-глаголы, образованные от чисто аористных основ, к примеру, редуцированных (как в данном случае¹⁷) и сигматических. В общем, их значение определяется так: повторяющиеся действия, завершённые к моменту речи. В данных контекстах множественность действия связана с неопределённым субъектом: 'говорил кто-то (один, а может быть, и многие) из массы'. Мы уже сталкивались с тем, что действие, производимое многими субъектами, передается имперфектом; суффикс -σκ- в этом отношении более специфичен. Завершение же речи маркируется аористами во множественном числе: ὥς ἔφην (302)/ ὥς ἄρ' ἔφην (324) 'так они сказали'. Глагол же на -σκ- здесь приобретает, помимо плюральности, то слабое значение долженствования, о котором писал Б. Дельбрюк¹⁸.

Плюральность и слабая модальность характерны для глаголов на -σκ- в следующих контекстах:

ὄν τινὰ μὲν βασιλῆα καὶ ἑξοχὸν ἄνδρα κιχείη
τὸν δ' ἄγανοῖς ἐπέεσσιν ἐρητύσασκε παραστάς (Il. II 188–189)

'и какого бы царя или знатного мужа он ни встретил, к каждому обращался с добрыми словами';

ὄν δ' αὖ δῆμον ἄνδρα ἴδοι βοόωντά τ' ἐφεύροι,
τὸν σκήπτρῳ ἐλάσασκεν ὀμοκλήσασκε τε μύθῳ (Il. II 198–200)

'и какого бы человека из народа он ни видел, ни находил кричащего, каждого он толкал скипетром и окликал словом'. В обоих контекстах вводное придаточное предложение имеет сказуемое в оптативе. Это наклонение обозначает в данном случае не пожелание, а возможное положение дел, осуществление которого эксплицитно не выражено. Оно все-таки реализуется, но не одновременно во всех фрагментах ситуации, а в отдельных, заранее не определенных. Эту множественность подчеркивают аористные мультипликативы ἐρητύσασκε, ἐλάσασκε и ὀμοκλήσασκε. Модальность этих глаголов становится более выраженной благодаря соседству оптатива. Что же касается законченности аористных глаголов на -σκ-, то она становится очевидной по контрасту с имперфектными: τὼ γὰρ νεϊκέεσκε (Il. II 220) 'и он их часто порицал'.

Отметим еще несколько «нестандартных» глаголов в речевых зачинах. Эти глаголы обозначают не только и не столько говорение, сколько дополнительное действие или важную характеристику речи: τοὺς ὁ γέ συγκάλεσας πυκινὴν ἡρτύνετο βουλήν (Il. II 55 = X 302) 'и созвав их, он представил (дословно – сладил) мудрый совет'; αὐτὰρ ὁ μακρὰ βοῶν Ἀγαμέμνονα νεϊκέε μύθῳ (Il. II 224) 'и тут же, громко крича, стал укорять Агамемнона словом'; τῷ ὥκα παρίστατο δῖος Ὀδυσσεύς // καὶ μιν ὑπόδρα ἰδὼν χαλεπῶ ἠνίπαυε μύθῳ (244–245) 'быстро подошел к нему божественный Одиссей и, взглянув на него исподлобья, порицал его словом'. Оба контекста относятся к одной ситуации – ссоре Терсита и Одиссея; но в первом случае мы находим имперфект, во втором – аорист от презенса ἠνίπτω. Аспектуальные различия в данном контексте приобретают немаловажную смысловую нагрузку. Речь Терсита не завершена никаким действием, так как сразу прервана выступлением Одиссея. Это подчеркнуто наречием ὥκα при предшествующем имперфектном глаголе παρίστατο, указывающем на начало действия. Аорист ἠνίπαυε, таким образом, указывает на завершенность вводимой им ситуации, начатой παρίστατο. Но, поскольку речь Одиссея заканчивается действием, завершающим всю макроситуацию (выступление Терсита – ответ Одиссея), постольку этот конфективный аорист корреспондирует с моментивным: ὥς ἄρ' ἔφη, σκήπτρῳ δὲ μετόφρενον ἠδὲ καὶ ὦμῳ // πλῆξεν (265–266) 'Так он сказал и ударил его скипетром по спине и плечам'.

Иногда имперфект речевого зачина может появляться в цепочке иных имперфектов:

¹⁷ εἶπον < *(ε-)φε-υπον, ср. др.-инд. *āvocat* < *e-ve-uk^hom.

¹⁸ Косвенным подтверждением этой слабой модальности может служить то, что формы на -σκ- у Гомера никогда не употребляются с аугментом, хотя всегда обозначают прошлое.

κήρυκες δ' ἄνδ' ἄστυ θεῶν φέρον ὄρκια πιστά...

...φέρε δὲ κρατῆρα φαεινὸν

κήρυξ Ἰδαῖος ἥδε χρῦσεα κύπελλα

ᾧτρυνεν δὲ γέροντα παριστάμενος ἐπέεσσιν (Il. III 245–249)

«вестники из города понесли подлинные жертвы богам... (по)нес вестник Идей сияющую чашу и золотые кубки; встав рядом со старцем, обратился к нему со словами». Совершенно особый случай – наречие αἶψα при имперфекте: δὴ τότε Τηλέμαχος προσεφώνεε ὃν πατέρ' αἶψα (Od. XIX 35) «тогда Телемах вдруг сказал своему отцу». Аналогично: αἶψα δὲ Τηλέμαχον προσεφώνεε, ὃν φίλον υἱόν (Od. XXIV 505) «Неожиданно сказал он Телемаху, своему отцу». Наречие «внезапно», казалось бы, должно характеризовать аорист, оно вводит метапTOTическую ситуацию. Имперфект здесь можно объяснить только одним: наречие указывает на начало ситуации, но не на ее конец.

Т.о., можно утверждать, что именно в этой позиции (характеристика высказывания) противопоставление имперфекта и аориста нейтрализуется. Думается, что это позволяет пролить свет на значение глагольных времен у Гомера. Имперфект обозначает действие, длящееся во времени и незавершенное, аорист – действие недлительное и завершенное, т.е. неактуальное к моменту речи. Ясно, что законченный и воспроизведенный в тексте речевой акт представлен как событие, протяженное во времени, но завершенное к моменту речи. Поэтому он может быть введен и аористом, и имперфектом. Вообще, эта особенность глаголов речи, не отраженная в литературе, посвященной теории речевых актов, характерна не только для гомеровского греческого. Так, в русском языке вполне допустим ввод *Он говорил мне '...'/ Он сказал мне '...'* Видимо, это связано с общим характером речевого акта. Напротив, окончание речевого акта не может быть длительным, и всегда завершено. Оно описывается только аористом. Иногда это обстоятельство подчеркивается и лексически. Так, во всех рассмотренных нами контекстах выражение ἔπεα πτερόεντα сочетается только с имперфектом. «Крылатое слово» – то, что обладает способностью лететь от говорящего к слушающему, и имперфект, очевидно, описывает этот воображаемый полет. Сравним это с Od. XIX 29: ὥς ἄρ' ἐφώνησεν, τῇ δ' ἄπτερος ἔπλετο μῦθος «так он сказал, и слово у нее стало бескрылым (т. е. прекратилось)».

Тип ситуации обуславливает не только значение грамматической формы, как справедливо указывал Руйперес, но и ее морфологию. Подчеркнем еще раз. Речевой зачин может рассматриваться как законченный фрагмент, но он подразумевает и протяженное во времени произнесение речи. Эта амбивалентность выражается и грамматически, возможностью присутствия презенса и имперфекта. Речевой конец однозначен, в нем присутствует только одно глагольное время.

Итак, суммируем. Имперфект у Гомера обладает следующими характеристиками: длительность, темпоральность, незавершенность, стабильность. Надо полагать, что в оппозиции к аористу имперфект является маркированным членом. На этом основании мы можем характеризовать глагольную систему Гомера следующим образом. Настоящее время в ней является сферой длительности и незавершенности, тогда как прошлое мыслится как неактуальное к моменту речи, следовательно, лишенное категории длительности, прекращенное к моменту речи. Поэтому для выражения протекания, развертывания события в прошлом требуется маркированное время.

Нечто похожее мы можем наблюдать в старых русских текстах. Так, в былинах ввод речи часто выглядит так: *Говорил тут Еким Иванович; Говорил ему Алеша Попович млад; Говорил таковое слово* (Кирша 99). В подобном контексте редок совершенный вид *сказал: А слово сказал им ласковое* (Кирша 177). Любопытно, что объектом при этом глаголе служит имя, а не предложение речи, как в предыдущих случаях. Совершенный вид в сознании говорящего скорее связан с вневременным объектом слово, а не развернутым во времени высказыванием. Изредка встречается и глагол *молвил*. Он засвидетельствован в сравнительно поздней былинке «А жил-был дурень», где высказывания вводятся оборотом *Он ему/им и молвил*. Совершенный вид во вводном предложении встречается там, где значение глагола не сводится только к «говорить»: *И увидел Туга-*

рин Змеевич Алешу Поповича/Заревел зычным голосом (Кирша 105); Сх(в)атилася молодда княжна/Молода княжна Анна Романовна: «Ты гой еси, сударь мой батюшка,/А князь Роман Васильевич!» Можно утверждать, что вводный безобъектный глагол говорения в зачине носит процессуальный характер. Если же у него появляется дополнительное значение, или высказывание сворачивается в объект-имя, он трактуется как выражающий завершённое действие. Таким образом, аспектная система гомеровского греческого и древнерусского языков обнаруживают несомненное типологическое сходство.

Противопоставление имперфекта и аориста также часто встречается в тексте в послегомеровском греческом. Ему во многом посвящена цитированная работа К. Штрукка [Strunk 1971]. Как мы отмечали, Штрукк исходит из того, что в классическом греческом маркированным является все-таки аорист. И его наличие должно носить особую семантику. Штрукк применяет к греческому материалу так называемую «схему начала» (Inzidenzscheme): глагол несовершенного вида обозначает развитие ситуации или события, начало которых обозначено глаголом совершенного вида [Dressler 1968: 44–45]. Во французском языке встречаются такие обороты: *L'ordre semblait régner. Tout à coup une révolution éclata* 'Казалось, что порядок утвердился. (Но) внезапно разразилась революция', где *imparfait semblait* указывает на ситуацию, выглядящую стабильно, а *passé simple éclata* – на ее резкое изменение. Так же соотносятся имперфект и аорист в древнегреческом, если они встречаются в одном предложении [Chantraine 1953: 193; Strunk 1971: 201–202]: (a) πυρκαϊή ἐμαραινέτο, παύσατο δὲ φλόξ (Il. XXIII 228) 'костер выгорел, погасло пламя'; (b) οἱ γὰρ ἐκ τῶν νήσων κακοῦργοι ἀνέστησαν ὑπ' αὐτοῦ, ὅτε περ καὶ τὰς πολλὰς αὐτῶν κατώκιζε (Thuk. I 8, 2) 'разбойники с островов поднялись против него, когда он занимал большую часть (из островов)'. Это напоминает гомеровское ἐνθα... τὰς μὲν // Κρήτη ἐπέλασσεν, ἦχι Κύδωνες ἔναλον (Od. III 292) 'он эти (корабли) направил на Крит, где обитали кидонцы'. Ср. и процитированные (c) Μενέλαος ἐπεὶ κτάνε, τεύχε' ἐσύλα (Il. XVII 60) 'Менелай, когда убил, стал снимать доспехи'; (d) θάρσθησε καὶ ἦῤα (Il. I 92) 'набрался смелости и стал говорить'. В *accusativus cum infinitivo* эта схема встречается у Геродота: (e) τὸν δ' Αἰθίοπα βασιλεύειν Αἰγύπτου ἐπ' ἕτεα πεντήκοντα, ἐν τοῖσι τότε ἀποδέξασθαι (Hdt. II 137, 2) 'эфиоп правил Египтом 50 лет, в течение которых он захватил следующее'. К. Штрукк отмечает, что в этих примерах аорист выступает как немаркированное недлительное время, а имперфект – как маркированное длительное. Это справедливо, но понятие семантической маркированности и немаркированности зависит от принципа описания. Можно сказать так: аорист имеет значение точечности, которого не имеет имперфект; аорист указывает на главное событие, имперфект – на второстепенное¹⁹. Из этих примеров видно, что взаимоотношение времен в общей схеме различно. Имперфект может обозначать зачин, аорист – завершение (d, e); аорист может указывать на законченное событие, имперфект – на начало нового, явившегося следствием завершённого (c), наконец, время имперфекта может, если так выразиться, окружать аористное и служить стабильным фоном для поменявшейся ситуации (b). Наконец, имперфект может обозначать предшествующее событие: (f) τοῖσιν δὲ κρεάων πίνακας παρέθηκε συβάτης // ὀπταλέων, ἃ ρα τῇ πτοτέρῃ ὑπέλειπον ἔδοντες (Od. XVI 49–50) 'им принес пастух блюда с жареным мясом, которое едоки оставили со вчерашнего дня'. В (a) имперфект ἐμαραινέτο обозначает частное событие, а аорист παύσατο – общее. Рассмотрим еще несколько сочетаний аориста и имперфекта:

κήρυξ ἐν χερσὶν κίθαριν περικαλλέα θῆκεν

Φημίω, ὃς ρ' ἦειδε παρὰ μνηστῆρσιν ἀνάγκη (Od. I 152–154)

'вестник дал в руки Фемию кифару; тот запел поневоле перед женихами': завершение одного фрагмента ситуации, начало нового.

¹⁹ Или, в терминах Вайнриха, событие первого плана противостоит событию второго плана. К этому мы еще вернемся.

ἔγχος μὲν ῥ' ἔστησε φέρων πρὸς κίονα μακρὴν

.....ἐνθα περ ἄλλα

ἔγχε' Ὀδυσσεύς ταλασίφρονος ἵστατο πολλά (Od. I 127–129)

‘Копье он поставил, отнеся его к высокой колонне, там стояли и многие другие копья Одиссея’. Здесь имперфект имеет почти такое же значение стабильной, неизменной ситуации, как в описании оружия Ахилла. И аорист обозначает завершение события на фоне этой стабильности.

Отметим, что аналогичная схема может реализоваться и в других наклонениях; аорист и презенс оптатива соотносятся друг с другом таким же образом:

μνηστήρων τῶν μὲν σκέδασιν κατὰ δώματα θείη,

τιμὴν δ' αὐτὸς ἔχοι καὶ κτήμασιν οἷσιν ἀνάσσοι (Od. I 116–117)

‘(Одиссей) бы устроил женихам изгнание из дворца, сам бы получил почести и правил своим имуществом’. Контраст между законченным событием и незаконченной, продолжающейся после точки референции ситуацией очевиден и в том случае, когда оба они являются воображаемыми, тем более, что, как давно отмечалось, конъюнктив и оптатив презенса и аориста не передают временных отношений. Наш пример наглядно показывает, что они различаются только аспектуально.

Для описания смысла этой «схемы начала», которую сам Штрук называет также контекстным правилом, Штрук применяет терминологию П. Кипарского [Kiparsky 1968] – «редукция сочинительной связи» (conjunction reduction). Кипарский под этим подразумевал то, что в глагольных цепочках иногда у некоторых составляющих теряются показатели времени и наклонения. Примеры такой редукции Кипарский видел в индоиранском инъюнктиве, сочетающемся с индикативом, историческом и футуральном презенсе и т.д. Следует заметить, что в позднейшей публикации сам Кипарский предпочитает рассматривать это явление как семантическое, а не чисто синтаксическое [Kiparsky 1998]. И действительно, сочетания презентных и аористных основ далеко не всегда свидетельствуют о том, что их различие нейтрализовано. Хороший пример редукции сочинительной связи – параллель конъюнктивов и оптативов: ἐὰν γὰρ τί σε φανῶ κακὸν πεποιηκώς, ...ἐὰν μὲντοι μηδὲν φαίνωμαι κακὸν πεποιηκώς (Xen. Cyt. V 5, 13) ‘если тебе покажется, что я сделал что-то плохое, ...если же не покажется, что я сделал что-то плохое’; Εἰ μὲν γὰρ προσδέξαιτο, ...εἰ δὲ μὴ προσδέχοιτο (Dem. XIX 318) ‘если примет, ...если же не примет’ [Kiparsky 1968: 33; Strunk 1971: 206]. Здесь оппозиция между аористами и однокоренными презенсами элиминирована. Можно говорить о редукции сочинительной связи. Но совсем иные соотношения презенса и аориста в Od. II 172: ὅτε Ἴλιον εἰσέβαινον/ Ἀργεῖοι, μετὰ δὲ σφιν ἔβη πολύμητις Ὀδυσσεύς ‘когда в Илион входили аргивяне, с ними вошел и многомудрый Одиссей’. К этому контексту можно применить те характеристики, которые уже были использованы ранее: начинательный имперфект при множественном субъекте vs. завершительный аорист при единичном субъекте.

Другое же наблюдение Штрунка над «контекстным правилом» чрезвычайно тонко. Он показал, что глагол μένω у Гомера, обозначая фиксированную длительность времени, в одиночку употребляется в форме аориста, а с другим аористом – в имперфекте. Ср. а) μῆνα γὰρ οἶον ἔμεινα τέτρπομένος τέκεεσσι (Od. XIV 244) ‘я оставался там один месяц, радуясь на детей’; б)

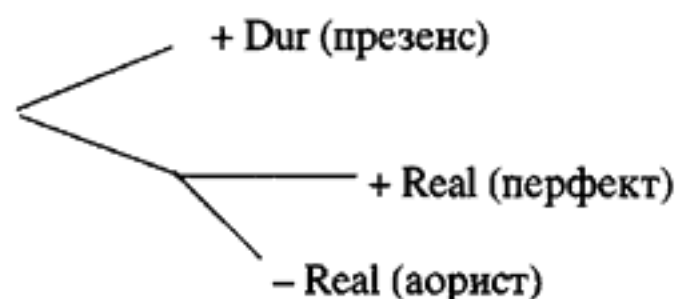
πᾶσαν δ' ἡοίην μένομεν τέτληότι θυμῷ

φῶκαι δ' ἐξ ἁλὸς ἦλθον... (Od. IV 447–448)

‘все утро мы ждали терпеливо; из моря пришли тюлени’. Эти примеры прекрасно иллюстрируют начало и конец ситуации.

Таким образом, становится ясной оппозиция презенса и аориста. Ее можно назвать ситуативно-аспектуальной. Имперфект обозначает незавершенное начало ситуации и ее протекание, аорист же – завершенность события в целом или какого-то его этапа. Завершенность не исключает указания на длительность развития данного события.

В заключение попробуем представить основные времена греческого глагола в виде набора различительных признаков. П. Фридрих [Friedrich 1974: 44] предлагает следующее дерево:

(Dur – дуративность, Real. – результативность).

Но, на наш взгляд, эта схема не учитывает всех оттенков значений основ. Поэтому мы вводим следующие РП: дуративность, актуальность в момент речи, претеритальность, комплетивность. И тогда можно построить следующую таблицу:

Таблица

	Дуративность	Актуальность	Претеритальность	Комплетивность
Презенс	+	+	–	–
Имперфект	+	–	+	–
Аорист	(–)	–	+	+
Перфект	–	(+)	(–)	–
Футурум	0	–	–	0

Примечание к таблице: 1. Скобки обозначают ослабленность признака. Аорист может сочетаться с наречием длительности; перфект может функционировать как perfectum presens, и указание на прошлое и на результат прошлого в настоящем. Поэтому мы и ввели специальные РП для актуальности и претеритальности, хотя сами по себе эти признаки комплементарны. Но в перфекте они могут объединиться. 2. Футурум – это чистое время, лишённое аспектуальных характеристик. Поэтому в графе "дуративность" и "комплетивность" стоит 0 – показатель того, что признак не имеет отношения к данной категории. В этом отношении футурум и отличается от конъюнктива аориста. В [Красухин 2005а: 13] был приведен яркий пример аористного конъюнктива с кратким суффиксом, формально не отличимого от футурума (П. I 140–144). Семантическое же различие состоит в том, что конъюнктив сохраняет аспектуальное значение. В частности, *coniunctivus hortativus* и *imperativus* указывает на побуждение слушателя исполнить действие, доведя его до конца. Футурум же как не реализованное событие не указывает ни на протекание, ни на завершение действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Звонская 2006 – Л.Л. Звонская. Инхоативная семантика временных форм в греческом языке // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте: V Международная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. М., 2006.
- Красухин 2001 – К.Г. Красухин. К этимологии греческого ΠΑΘΟΣ // Древние языки в системе университетского образования. М., 2001.
- Красухин 2003 – К.Г. Красухин. Сигматический презенс и аорист у Гомера // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. Вып. 1. М., 2003.
- Красухин 2005а – К.Г. Красухин. Аспекты и времена праиндоевропейского глагола: Часть I // ВЯ. 2005. № 6.
- Красухин 2005б – К.Г. Красухин. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005.
- Красухин 2006 – К.Г. Красухин. «Несобственные» времена глагола в индоевропейских языках // Памяти В.Г. Гака. М., 2006.
- Оленич 1980 – Р.М. Оленич. Александрийская школа грамматики // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980.
- Bottin 1969 – L. Bottin. Studi dell' aumento in Omero // Studi Miceni ed Egeo-Anatolici. V. 10. 1969.

- Brugmann 1900 – *K. Brugmann*. Griechische Grammatik. München, 1900.
- Chanet 1984 – *A.-M. Chanet*. À propos du verbe grec: questions de fréquence // *Kratsile*. V. 9. 1984.
- Chantraine 1953 – *P. Chantraine*. Grammaire homérique. V. 2: Syntax. Paris, 1953.
- Delbrück 1876 – *B. Delbrück*. Syntaktische Forschungen. Tl. I: Tempora in der altindischen Sprache. Halle/Saale, 1876.
- Delbrück 1897 – *B. Delbrück*. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen // *K. Brugmann, B. Delbrück*. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1897.
- Dionysios 1883 – *Dionysii Thracis Ars grammatica* / Curavit H. Maler. Leipzig, 1883.
- Dressler 1968 – *W. Dressler*. Studien zur verbalen Pluralität. Wien, 1968.
- Duhoux 2000 – *Y. Duhoux*. Le verbe grec ancien. Louvain-la-Neuve, 2000.
- Friedrich 1974 – *P. Friedrich*. Aspect theory and Homeric aspect // *International journal of American linguistics*. V. 40. 1974.
- Gonda 1956 – *J. Gonda*. The aspectual function of Rgvedic present and aorist. 'S-Gravenhage, 1956.
- Kiparsky 1968 – *P. Kiparsky*. Tense and mood in Indo-European syntax // *Foundations of language*. V. 4. 1968.
- Kiparsky 1998 – *P. Kiparsky*. Aspect and event structure in Vedic // *Yearbook of South Asian studies*. V. 1. 1998.
- Meillet, Vendryès 1948 – *A. Meillet, G. Vendryès*. Traité de grammaire comparée des langues classiques. Paris, 1948.
- Mutzbauer 1883 – *G. Mutzbauer*. Studien zum Aspekt und Tempus im Griechischen. Stuttgart, 1883.
- Ruiperez Sanches 1954 – *M. Ruiperez Sanchez*. Estructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo: Análisis funcional sincrónica. Salamanca, 1954.
- Safarewicz 1965 – *J. Safarewicz*. Présent déterminé et présent indéterminé // *Symbolae grammaticae in honorem Georgii Kurylowiczi*. Wrocław, 1965.
- Schwyzler-Debrunner 1950 – *E. Schwyzler*. Griechische Grammatik / Vorbereitet und herausgegeben von A. Debrunner. Bd. II: Syntax. München, 1950.
- Strunk 1971 – *K. Strunk*. Historische und deskriptive Linguistik bei der Textinterpretation // *Glotta*. Bd. 49. 1971.
- Wackernagel 1926 – *J. Wackernagel*. Vorlesungen über Syntax. Basel, 1926.
- Wackernagel 1953 – *J. Wackernagel*. Über die satzeinleitende Partikel **que* // *J. Wackernagel*. Kleine Schriften. Göttingen, 1953.
- Weinrich 1964 – *H. Weinrich*. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.
- Zsilka 1967 – *J. Zsilka*. Probleme des Aoristes bei Homer // *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. V. 14. 1967.